

ЛЮДСЬКА ПАМЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ.

січові гості.

СПОМИНКА СТАРОГО ДІДА.

Еге, добродію! сидимо оце ми зь вами вь пасіці — нігáдки!... Бó-жа бжолá гудé, кругóмъ гречкí бiлють... а колись гулі кругъ мéне не такі бжолí: козаки гулі небожáта, да ще не гетьмáнці, — самá січová воля, добродію.... Переївъ я всякого хлiба: помагáвъ и панáмъ панувáти, помагáвъ навпóслí и гайдамакамъ-брáтчикамъ. Ге! вже того не бóде, щó булó, а булó жь воно́ на щось. Тимъ-то, нічого грíхá таїти, признаюсь вамъ, добродію, який я бувъ дурний колись... на свою рiдну брáттю ставáвъ до бою! дáлебі!...

Родивсь я на Подóлі, — то́ мой рiдна Вкраїна, а се вже мiні на старiсть чужá сторона́ рiдною стáла, —шибнóла до́ля, куди схотiла. Родився жь я вь дérжавaxъ князя Любоми́рського, коли чу́ли, підъ Полóннимъ. Старосви́цьке мiсто, добродію. Добувáли колись ёго ко-заки и зли́ли всякий ступiнь землi крóвью жи́дiвською, — онъ́ якé мiсто Полóнне! Ну, родивши́сь у підданствi, мýсивъ тимъ рóбомъ и ходiти. Взяли менé ще хлопцемъ малимъ до зáмку, до панiвъ, звiчили менé до коней, до козацького оборо́ту, а дáли и вь надвiрні козаки записáли, бо зрóсту бóвъ я хоро́шого: таки́хъ у надвiрні корог-ви й підбiрали. Велича́всь я козацькою збрóєю передъ хлiборóбами, и дóмки не булó вь мéне, протiвъ ко́го вона́ наготóвлена.... Не хóтко мiні очi одкрiлись, а все жь, хвалiти Бóга, одкрiлись. Нiхто́ менé не вмовля́въ: оттáкъ и такъ воно́ булó, оттáкъ воно́ есть, оттáкъ бóде; самъ я почóвъ душею, щó воно́ й якъ воно́ и до чо́го воно́... та не такъ-то хóтко дося́гъ само́го дна. Глибóке дно й каломiтне! Чóю булó ще зь

малку — гайдамаки та гайдамаки, ніби сказати — ледарь яка невірна. Пані на їх як на вовків полюють; селяне їх жахаютьця, а Жидь аж пліоне, якъ почує. То було й сёрдисся, якъ хто гайдамакою налає. Який я гайдамака?... А гайдамаки не съ ко́го й брались, якъ съ такихъ же панських підданихъ. Інший не вгодить шляхті на обляві, чи на бепкеті, чи на посилкахъ чого не второнає, — втікає одъ батогівъ. Іншого не злюблять панські похлібці, — одъ нихъ утікає. А хто, то й такъ не схоче по наймахъ тинятись, або въ панському дворі довічнимъ грубникомъ пропадати, — и сей надумавшись дмухне на Січъ манівцями.

А тамъ тільки й піджидають Божого літа, щобъ завітати въ гості до вельможного панства. Знаєте, вся та Україна, почавши одъ Дніпра, ажъ геть підъ Збаражъ, підъ Замостя, все те було колись козацьке. Купили всю ту землю козаки въ Ляхівъ, не за гроші купили, а, кажуть, заплатили самою ширію кров'ю козацькою. А Ляхи-то, мовлявъ, люде лукаві — умови не додержали, собі изновъ усю Україну ажъ по самє Дніпро загарбали. Такъ козаки й кажуть: »Ну, коли жъ такъ, панове, то вже ви тутъ господарюйте зъ Жидовою, а намъ у Січъ платіть чиншъ.«

Ото жъ було й ходять изъ Січи козаки за чиншемъ. Отъ імъ саме такихъ було й треба, що всі входи й виходи по панських державахъ знають, — знають усі стежки й манівці по Україні. Пригріє весняне сонечко, шелєсне молодімъ листямъ дерево, — изнимутця роємъ небожата, въ ко́го одєжа вже наскрізь світитця, — поря міняти на саєти!.. Отъ зберетця їхъ до-кѹпи десятківъ, або й сотень скільки, виберуть собі ватажкя, характерника такого, що вже єго хибя срібна кѹля візьме, — що козаки за нимъ и въ огонь и въ воду... гайда на Україну!

У Гетьманщину вони не ходили, бо тамъ пані свої, — хочъ и поодавали інші чорту дѹшу, да все жъ изъ Жидовою не братались. Ходять було коли не по-надъ Дніпромъ, то по-надъ Богомъ-річкою, да й до Слѹчи добіраютьця за січовимъ чиншемъ своїмъ. Де байракъ глухий та глибокий, що тільки звірь да птиця єго знає, де хуторєць або пасіка стоїть на одшибі, вони тамъ переднюють, а вночі якъ смикнуть — вовки вовками по полю рішуть.

Польщею вся та Україна звалась, тимъ що Поляки нею орудували. И стояла та Польща, якъ горохъ при дорозі: лівий тільки її не скубъ. Роздавъ король усі села своїмъ панамъ: користуйтеся ними да й бережіть же своє добре, щобъ міні військомъ про ту Україну не турбуватись. А въ королі и въ самого гуло въ кишєні, бо тоді вікъ бувъ такий на королівъ та на панівъ, що у всіхъ кишєні попродирались. Ну, пані жъ

користуватись зуміли, а щоб до-ладу військо спорядити, ту *Українську партію*... згел! то в їх останнє було діло. Спискових було багато паненят, що тільки величалися ротмістрами та поручниками, а до потреби не так-то було їх густо при полках. Гасали вони по панських дворах, до панночок залицялись, або з собаками наввипередки бігали. Одбували Татарь або січових гостей самі надвірні панські корогви — з нашого ж такі брата, сь підданства.

Ото ж було як найдуть Січові гості, то показиють у панів та в Жидів, як у себе у господі, наввочають усім добром батонів коней, та й гайда назад! Покажуть та слизнуть так живо, як ніби вві сні приснились; тільки й знаку, що в Ляхів та в Жидів скрині порожні, та ще хіба що в іншого душі в тілі немає. Отакі-то були!

Рідко, рідко коли вдавалось жовнірству застукати їх саме на хазійстві, хіба зрадою. Ато було прибіжить корогва гусарні, чи рейтарь, на чутку, що гайдамаки деруть, та полічить тільки сліди од підків на шляху, та сь тим і вернетця. Та вже було як і застукать, то й ім сердешним добре було достанетця. Довелось і міні бути разів зо два у тій справі, бо я — собі на лихо — служив у надвірних, помагав панам панувати. Ото ж раз стояли ми цілою корогвою в Полоніюму замку; князя Любомірського замок був. Жили тоді пані Любомірські як королі, дарма що Хмельницький їх був трохи пополюхав і ворота кь чортовій матері вишє, як торохнув из гармати Спроті. Ото ж ми там і вартуємо незнат-чого, а більш для панської пихі. Аж ось одного дня, тільки що взялись за ложки, летить гінець. Кінь під ним аж хитається, підрі роздуло як ріжок. Зараз сго, так як був у грязі и в пілу, передь князя.

— Що такє?

— Гайдамаки на Подолу. Просьть лементарь Подольскій посилку, бо самі нічого не вдіють.

— А багачко ж їх?

— Сто-кільканадцять комінника.

— Добре; завтра сам з військом рüşу.

Зараз єму другого коня, и виправили назад.

Заворухівся увесь замок: самопали перечищають, кульбаки споряжають, уюки, патронташі пакують. На-завтра, скоро світ, заграпо в труби, рüşили з замку. Піхоту и гармати везли підводами. Третєго дня стали коло Ялтушків: там гайдамаки обсіклись у гаю. Ото стали лавами. Пань лементарь прихав, подививсь. »Ну, теперь оддыхайте, та будте

готові на нічъ. Треба добре пилнувати, ато вискочать зъ рукъ, якъ мило въ воду.»

Отó одпочівши, якъ наставъ вѣчіръ, пилнуємо ми. Кругомъ гаю поставлено мужиківъ кільки тисячъ исъ ціпами, а дѣкотрі и зъ рушніцями, а за ними, одступівши ступнівъ сто, чи й більшъ, стало військо: те, що прийшло зъ самимъ лемѣнтаремъ, своїмъ чередомъ, а наше своїмъ чередомъ; а було всіхъ тисячъ зо дві: и гусарѣ, и панцерники, и піхота, — чогó тамъ не було! И всі на ту жмѣню тихъ гольтяпакъ!

Сидимó, багаття скрізь розіклали, балакаємо дѣ що стіха, бо заkáзано було одъ старшини, щобъ Бóже борони якогó гвалту, а щобъ добре чували. Я ще тоді бувъ молодий, не знавъ ще, щó то за гайдамаки, то дивно міні стало, що такѣ військо на нихъ зібрано. Отъ и питаю у одного старóго гусарина, що вже ёму ўси росли-росли, та ажъ за ўха закрутілись:

— Щó опѣ, дядьку, кажú, — за дівó такѣ сі гайдамаки, що ось на нихъ усі корогви стяглися?

— Эгѣ, ка́же, — а ти, хлопку, ще не знаѣшь, щó то за звиряки? Колибъ у ко́жного зъ насъ було по дѣсять рукъ, то ще на їхъ мáло, бо ті галгáни обороняютьца мовъ скажені. Знають, що вже імъ помілування не бóде, то кїдаютьца на людѣй, якъ іроди, и часомъ пробьютца крізь цілий повкъ; не то втічуть самі, та й здобичъ умчять. Ось за́втра побачишь, які вони повбóрані. Се въ насъ такъ споряділись, бо зъ Січи приходили въ однихъ лѣвнихъ сорочка́хъ та въ телячихъ шарова́рахъ.

— А який же, кажú, — ватажко́ тепѣрь їмъ доводить?

Ка́же — Ива́нъ Чу́пріна. Пятна́дцять разівъ у́жѣ виходить вінъ на здобичъ, разівъ скі́льки пробивавсь крізь нашихъ жовнірівъ; та вже тепѣрь, здаѣтца, дамо́ ми ёму пѣрцю.

Отáкъ мивну́ла й нічъ. Стало на зору займáтись. Коли́жъ по то́й бікъ лісу, де стояла піхота, самопáли пукъ! пукъ! пѣрше зрідка, а далі разъ-по-разъ. А тутъ зъ гарма́ти гу! — пішла грукотня́ по́ лісу. Дѣрево трі́щить та падає. Крикъ, гамъ! Гарма́ти реву́ть, а гунá по ранній росі такъ и розлягаѣтца. На́ші за́разъ на ко́ней, а селя́не, зляка́вшись, навті́кача́. А ми тільки що ру́шили їхъ перейма́ти, ажъ тутъ изъ лісу душъ со́рокъ гайдама́къ, всі въ карма́зині та въ блаватáсахъ, такі гетьма́ни виско́чили, що ажъ очі́ма на їхъ не згля́нешъ; и ко́ней за собо́ю навью́ченихъ зъ двáдцятѣро веду́ть. Виско́чили, та якъ уда́рять изра́зу на чоті́рі корогви́ волоські́, що стоя́ли спѣ́реду, такъ їхъ и розі́драли на́двое. И отъ, якъ ба́чишь часомъ, лиска́вка зъ гро́му впаде́ на дуба́ або

на густу та стару сосну, та якъ росчахне її одъ горі до низу, то одно гілля на сей бікъ, а друге на той бікъ ваякко впаде і затріщить: оттакъ ті гайдамаки розвалили велику купу Волохівъ, а сами, якъ весною огонь по сухихъ очертахъ, такъ і понеслись по полю, ажъ поле закрасили. А Волохи якъ сунулись на компутовихъ, а тутъ ще й селяне побігли, куди хто втрапивъ, то все такъ змішалося, якъ каша, що вже чортъ би й знайшовъ свою лаву: вертієся кругомъ, якъ коза у череді, та й годі! Опісля вже де-котрі опам'ятались і побігли за ними, та въ пустій слідъ — хочъ тупицею. Гайдамаки вже за селомъ, а село за ними до неба палає...

А тимъ, що були на другімъ кінці лісу, випала інша доля. Ще, кажуть, зъ вечора ватажко Іванъ Чупріна, грючись коло багаття, постерігъ, що вся нуджа зъ сорочки зібралась йому до коміра, та й каже: »Оттеперъ же, панове, буде намъ лихо зъ вражими Ляхами: бачите, якъ уся нуджа зібралась міні до коміра!« То вже гайдамаки, почувши єе, повісили носі і записали собі пропало. Тільки жъ Запорожець не такъ пропадає, якъ простий чоловікъ. У нихъ вівча натура: уміє добре шарпати, уміє жъ і вмерти, не скіглячи дармо.

Отаманъ і каже: »Розділімось же, панове, на три батів, то кому-небудь і допоможе Господь вискочити зъ западні, а вкупі — всі пропадемо. Чекайте, каже, мого гасла съ шестіоля. А якъ почуєте гасло, заразъ два рази зъ ячарокъ на Ляхівъ грюкніть, та й зъ Богомъ на проломъ!...

Отъ, якъ стало займатись на зорю, вінъ і полізъ рачки на край лісу, щобъ подивитись, що Ляхи роблять. А за нимъ порачкувало зъ десятитокъ молодцівъ. І зачепісь одинъ, лізучи, рушницею за гілячку. Рушниця бехъ! а на фалшиве гасло по лісу торохъ! трахъ! — пішла гуркотня. Піхота наша заразъ до лісу, та зъ самопалівъ і затопіла. Чупріна лігъ, кажуть, одъ першої кулі, а гайдамаки ще не встигли впасти на коней і потрапити до ладу, а тутъ ще й ватажка немає. Збілись вони зовсімъ съ пантеліку. Отъ же жваво небораки боронились: убили підполковника ляхського, скількося офіцерівъ і зъ сотню лейтартъ. Та й їмъ же добре було: разъ те, що грюкава кругомъ, а тутъ зъ гарматъ що ревнуть, то дерево пополамъ, або і усе въ скінки роззкочитця і пада на нихъ. Жарко було дуже сіромахамъ. Вибито їхъ мало не всіхъ, а решту пораненихъ і пострілянихъ забрато у полонъ. Найшли самого Чупріну мертвого. Здоровий та широкоплечий такий! Лежить вивернувшись якъ бикъ, що довго рикавъ підъ різницькою довбнею та завдававъ усімъ стра-

ху, а далі-таки, хоч який дужий, упавъ сердешний п землю глибоко вдавивъ, лежить якъ гора, и на мёртвого ще страшно дивитись. Отакъ же и той Чуприна, великий та страшний, лежавъ у пишнихъ кармазинахъ радомъ изъ старимъ дубомъ, що звалено гарматою; а бронь при ёмъ, и на коні збрѹя така, що нечислені грощі коштую: сріблѹ та зѹлото, а робѹта, робѹта жъ така, що ажъ очі берѹ! На обѹхъ рукахъ у ёго дорогіхъ перстенівъ, по кишѹняхъ золотіхъ дзигарківъ скілки, а грѹшей, то и злічити немѹжна. Та й на всіхъ гайдамакахъ, и коло саміхъ, и коло коней, знайдено сріблѹ, зѹлото и всіакихъ дорогіхъ суконъ на великі тисячі. Усѹ те поділили міджъ сѹбе жовніри и лейстрові козаки. Доставъ и міні рігъ сѹ порохомъ у срібній оправі, та ладівниця підъ срібною бляхою. Та все те, якъ прийшло, такъ и пішло: пропало въ Уманську руїну.

Отѹ поділивши здобичъ, пораненихъ одіславъ у Камянець на стрѹту, а мёртвихъ закопѹли у Ялтушевському-такі лісі, надъ шляхомъ, и могілу надъ нїми насіпали висѹку.

Отѹ була перва моя справа зъ гайдамаками. А знову рѹківъ черезъ два пішла по Вкраїні поголѹска, що зза Синіохи річки вийшла дѹбра кѹпа гайдамакъ зъ ватажкомъ *Чортовѹсомъ*, та пройшла ажъ на Поділля, награбувала сріблѹ, зѹлото и всіакого добра, скілки уюкові коні знесѹть, и повертаѹ назадъ лісами та байраками. Тілки ніхтѹ не знавъ, де саме вони тепѹръ и въ якомѹ місці виткнуця на степі зъ лісу. Тривога зробились усюди така, що Бѹже твоѹ воля! Не було іншої розмови, якъ про гайдамакъ. Оцѹ сѹгодні почѹешъ, що тамъ и тамъ спалили пѹна сѹ панією и зъ дітками, а зѹвтра — що напали на кляшторъ и всіхъ ченцівъ кателіцькихъ вірізали. Той каже, що бачивъ людѹй якіхъс чуднихъ, а той, що въ однімъ шинкѹ паткнувъ на сѹмого Чортовѹса: сидіть за столѹмъ въ червѹнімъ жупані, рѹки по лѹкотѹ засѹкані, по кармазиновихъ рукавахъ чѹрна кровъ жидівська стікаѹ; кружаѹ відрѹмъ горілку и нікого не боїця, бо вміє такъ зробити, що оцѹ е, а схѹче, то й неѹ. Що день, то все страшніші чуткі: сѹгодні оцѹ скажуть, що въ ёго три сотні молодцівъ, а зѹвтра—три тисячі. По дорѹгахъ знаѹ товѹтѹця Жидѹва, зъ усімъ збіжжямъ утікають то до замѹчківъ, то до містѹчокъ. Виславъ князь Любомірський сѹ Половиного двоухъ чи трѹхъ Жидівъ на розвідки, обіщавъ велику платѹ; та Жидѹва такъ боялась гайдамацькихъ лапъ, що повертілась трѹхи поза містѹчкомъ, та й вернѹлася ні сѹ чимъ. Тоді призивѹє князь менѹ та Ласунѹ та Гладкого, та ще Лобѹдѹ.

— А щѹ, каже,—козаки! Чи послѹжите ви міні по вірі й по правді?

— Послужимо, кажемо, — милостивий князю и батьку.

— Отъ же, каже, — вамъ по десять червінцівъ на дорогу. Ідьте та привезіте міні певну звістку, де гайдамаки и скільки їхъ.

Взяли ми, вклонились и поїхали усі чотверо різними шляхами. Довго бився я по пущахъ та бездоріжжяхъ, ажъ поки прибівсь до одного хutora. Лісь навкруги густий такий, що тільки небо та землю відко, а хатинка стоїть однимъ-одна и на бікъ уже похилилась и въ землю вросла, а солома на їй уся одъ моху та одъ бур'яну ажъ зазеленіла. Ні дороги, ні стѣжки до тії хатки нема; тільки поузь сапий причілокъ течє невеличкий ривчакъ. Думаю собі: відно жъ, тутъ нема нікого. Коли дивлюсь, ажъ у піддашні за хатою сидить дідъ, сивий-сивий. Брови йому понависали ажъ на очі, а борода до пояса. Сидить и струже стругомъ дѣржално на ратище, а біля його підъ повіткою стоїть зъ десятиокъ ратовищъ зовсімъ готовихъ. Отъ я, злізши съ коня, приїшовъ до його, а вінъ менє й не бачить, що я йду: струже собі та бурчитьъ щось. Я приїшовъ такий-близенько, та й ставъ: послухаю, що вінъ бурчитьъ. Коли чую, ажъ то вінъ пісню старосвіцьку хоче співати, та вже голосъ йому дрижить и не виведе, тільки муркоче:

Перебийнісь прбсьть немного —

Сімъ-сотъ козаківъ зъ собою.

Рубає мечемъ голови съ плечей,

А рѣшту топить водою.

»Ой пійте, Ляхи, воді каліюжі,

Воді каліюжі болотяніі,

А що пивали по тій Україні

Меді та вина ситніі.»

— Здоровъ, дідусю!

— Здоровъ, каже, — здоровъ, сінку!

Та й не дивитися-такі на мене. Я думаю собі, якъ би зъ нимъ заговорити, та й мовчу. А вінъ тоді піднявъ свої важкі білі брови, та глядъ на мене.

— Э! каже; — а ти що за чоловікъ?

— Отакъ, кажу, якъ бачъ: чоловікъ хрещенпй, волочусь по світу та долі шукаю.

— А чи наша віра?

— Наша, кажу.

— Чого жъ тобі, сінку, треба?

— Треба, кажу, міні напередъ усього попоісти.

— Правда, каже, сінку, правда. Попереду нагодуй чоловіка, а тоді вже й розспитуй.

Зараз пішовъ, несе міні хліба, сала, меду, бо й пасічка въ ёго туть невеличка загорожена. Попоївши, я кажú ёму, що хотіли ніби мене Ляхи повісити за те, що я згубивъ панський дзигарокъ, а я втікъ та хочу пристати у гайдамаки, тільки горе моє, що не знаю, де їх знайти. Вінъ тоді міні й каже: »Добре, сінку, їдь же отуді й туди, мимо такого й такого дуба, то тамъ їх и знайдешъ на урочищі Обозовищі.« А самъ зновъ сівъ, та й почавъ стругати ратище.

Поїхавъ я, ажъ такъ: у яру попідъ густими дубами коні ходять и де-не-де жупани червоніють. Приїхавъ я блізде, ажъ стоїть підъ дубомъ козакъ зъ ратищемъ на варті. Я заразъ по-запорозький: »пугу!« А вінъ міні: »пугу! пугу!« А я знову: »козакъ зъ Лугу!«

— А де той козакъ зъ Лугу? крикнувъ хтось товсто изъ лісу. — А їдь лишень сюді!

Я й їду. Дивлюсь, ажъ супротивъ мене їде здоровенний Запоріжець зъ усіма, що я ще й зъ-роду не бачивъ: чорні, чорні та довгі та роскішні такі, що ажъ вилискуютьця. Жупанъ на ёму шовковий червоний, ажъ світитця, якъ огонь; шапка червона, похилиста; поясъ золотий; за поясомъ пістолі; при боку шабля; кульбака и стрімена — все те въ щірімъ золоті, ажъ горить. А кінь підъ нимъ пречудовної вріді: білий якъ лєбідь, такъ и одбиває одъ зеленого лісу й трави; ти бъ сказавъ, що й землі не доторкаєтця. Знявъ я шапку, та й поклонивсь ажъ до кіньської гриви; забувъ, що то й гайдамака; такъ би, здаєтця, взявъ та й підостлавсь ёму підъ ноги: стою передъ нимъ, якъ передъ гетьманомъ.

— А що, каже, — брате? Чи наша віра?

— Наша, кажú, вельможний пане...

— А ну, прехрестись.

Перехрестивсь я, окайнений. Потєрло мене трохи, чесна козацька кровъ у мене обізв́алась, а про-те перехрестивсь.

— Ну, їдь же, каже, — собі до куриня.

Приїхавъ я, ажъ той куринь увесь обєшпаний валомъ. Впущено мене черезъ рівъ у ворота. Якъ уїхавъ я та якъ гляну, то въ мене и въ очахъ зарябіло. Повно козаківъ, та все жъ то повбірані такъ, що й не розкажати: кармазинъ коло кармазина, сріблò коло срібл́а, золотò коло золот́а. Такъ якъ отъ часомъ зімою зайдешъ у винницю та присядешъ коло печи погрітись та подивисся, що тамъ у тій печі робитця того жару: и червоне, и жовте и сіне, горить, ходить, мигтить и мріє, ажъ ніби

ворушиття все; такъ у тімъ таборі ходили одинъ поузъ одного гайдамаки: той у червоному, той у жовтому, той у блакітному, а золоту на їхъ якъ огонь сяє, що й очима не зглянешь. Насилу я трохи освійчивсь, що вже не такъ діко міні міжъ ними стало. Поставивъ я свого коня до яселъ. Ніхто мене не питає, що я за чоловікъ. Вештаюся я поміжъ ними якъ дома. Дивлюсь, ажъ Ласунъ уже тутъ: ходить, заклавши руки за поясъ, тільки вилетами помахує; зъ старшими вже за паніората, а мене б'їцїмъ и не бачить: тільки погладивъ уса та бровою моргнувъ, подивившись на мене зъубоча. А мене зносять такі думки: »Викажу їмъ Ласунна! Признаюся, хто я такий! Зостанусь міжъ Запорозцями!« Такъ товаришъ же Ласунъ: якъ товариша зрадити? А про те въ мене й думка не зворухнулася, що се жъ наші браття?... Тоді ще я такъ не змігъ рахувати, — щиро послуживъ шляхті. А вони жъ то горонахи міні радіють, якъ рідного брата вітають; дорога одежа въ їхъ к'їнахъ, — надівай яку хочъ одежу. Звісно, страшний судъ настає; Богъ знає, ком'у жити, а ком'у вмірати, то нехай, кажуть, козакъ хочъ передъ смертю покрасується, якъ у городі р'їжа, а вінесе Богъ изъ огню въ дорогіхъ саєтахъ — нехай користуетця на здоров'я.

На другий день приїжджає й Лобода зъ Гладкимъ. Поприбірались мужиками и привели ніби-то коней продавати. Ласунъ самъ и торгувавъ у їхъ. и могоричъ изъ ними пивъ, та нішкомъ и сказавъ, що Чортовусь жде, поки постягаютьця його чати, бо теперъ ще тільки дві чати зійшлось, а ще дві злучатця зъ нимъ у Мазепиній Могілі, що завтра ми туди р'їшимо, то щобъ князь бувъ готовий и державъ ногу въ стремінахъ, а зъ насъ або Ласунъ, або я, дамо дропака та князеві й дорогу покажемо. Віправили тихъ коноводівъ, а самі другого дня пішли у Мазепину Могілу. А та Мазепина Могіла та єсть то острівъ, увесь у борі, а кругомъ такє грузьке багно, що ні чоловікъ, ні кінь, ні собака не перебрєдє; а на той острівъ черезъ багно висипано три грєблі. Незабаромъ надійшла ще одна чата зъ великою здобиччю. Отъ, якъ зробивсь підъ той часъ галась и крутаніна въ таборі, то я ул'ичивъ щасливу годіну, та на коня, та драла. Прибігъ у Полонне підъ замокъ, підъ Кієвську браму, ст'їкнувъ, — не пускають мене, бо не пізнали: жупанъ на міні перловий, г'їдзики рубинові, поясъ литий, шапка соболева, — та насилу вже впустили. Заразъ мене до князя. »Такъ и такъ, милостивий князю, ще тільки одні чати дочекаютьця, та й р'їшать підъ Костянтинівъ, бо ч'їютьця на силахъ. Треба поспішати, щобъ не вицусити їхъ съ того острова.«

Заразъ усе військо на коней, а піхота на підводи; забрали гармати й порохі, поїхали. А я конемъ попереду, дорогу показую. Було то полювання на страшного звіря, що й очі й уха и чуття добре має, а ще луччі — лапи. Заказано підъ великою карою, щобъ ніхто не гомонівъ и люльки не куривъ. Звернули зъ шляху; потяглись лісомъ мовчки, тихо; тільки коли-не-коли колесо гарматне чи возове стукне, наїхавши на корінь, або трієне суха гіляка. Ішли день и ніч зъ малимъ одпочівкомъ, а далі влізли у таку гущину, у такі нетри, вертепи та вибої, що ледві-ледві витягали вози та гармати съ того ковтуна. А тутъ нічъ темна така, що тільки навмані вгадують дорогу. Далі такі, дякувати Богу, вийшли безъ пригоди зъ тіи багноти и виїхались у рідкий біръ. Я злізъ съ коня та зъ радіщівъ ажъ землю поцілувавъ. Про Запорозцівъ уже й байдуже. Сказано, молодий, хисткий, — нікому було покресити... Ото жъ скоро вже дійшли и до того пасішника, що ратища стріже. Обскочили його кругомъ и взяли въ свої руки. А вінъ тільки подививсь, піднявши вгору брови, та сказавъ: »Отъ же вражі Ляхи-такі пронохали!« а потімъ зновъ посупивсь та й байдуже: знає вже, що коли не сегодні, такъ завтра смерть. Та такий же старий та сивий бувъ той пасішникъ, що ніхто його не бивъ и не лававъ. Посадили його на візъ, ще й сіна підмостили, — та й поїхали до Мазепиноі Могили.

Переночувавши въ невеличкімъ селці, вранці позганяли мужиківъ зъ околиць зъ ралами та зъ сокірами. Було їх душъ, мабуть, съ тисячу. Рухили дальшъ, и вночі прийшли до якогось урочища. Тамъ, видно, колись була таборщина, бо лісу некілки гоней вірубано и позоставались рови й вали. Усовітувавъ тутъ одинъ козакъ переодіти, ажъ поки на небі зайдуть *Козари*. А небо будо чисте якъ хустка и скрізь зорями заіскрене. Та князь боявся, щобъ гайдамаки тимъ часомъ не довідались.

— Не бійтесь, каже, — ніхто сюди не прийде, бо кажуть, що се місце закліате: тутъ, кажуть, по ночахъ відьми та упирі виграввають свої штuki; съ того-то воно й зветця: *Кучого Чорта Слобода*.

Отъ, якъ переждали годинъ зо три, то почали зникати зъ неба зорі, а на небі червоні плями одъ багаття, що горіло въ гайдамацькому таборі. Рухили ми тихо и, прийшовши до самихъ гробель, порозставляли передъ кожною гроблею по шести гарматъ и рови передъ гарматами повикопували, а округи гарматъ піхота стала. Селянъ зъ сокірами розставлено кругомъ попідъ соснами, и скоро гукнуть по разу гармати, заразъ щобъ рубали сосни. А решту піхоти порозставляли въ рушніцями понадъ багномъ, щобъ стріляти, якъ-що хто виткнетця зъ лісу. Почало

вже сіріти. Сердешні гуляки сплять собі, и не снитця їмъ, що вже їхъ піймано въ матню.

Ажъ ось заразъ изъ самої більшої грєблї шість гарматъ торохъ! а зъ другої увъ одвїтъ — гү-у! а зъ третєї зновъ — гү-у! Затріщали и загупи по лісу сїснн; а тутъ вразъ застүкало тисяча сокиръ объ дєрево. Ой не весело жъ було сїчовимъ молодцямъ прокидатись підъ такий гукъ и тїснїть! Утихли гармати, давши по два рази огню; перестали й сокири. Я взявъ морєскү трубу и закричавъ: «Здійтеся на ласку панєську, бо обгорнуті кругомъ.»

Нїякого одвїту. Тихо; тільки димъ курить понадъ багнами, підіймаючись угору. Ажъ ось на грєблї затупотїли коні, и крикъ: «Гонї, ловї! Постой, Кирїло!» и поки піхота вїпала, якъ ось летить бїсомъ щось на коні и прїсто промїж гармати. Тоді тільки пізнали Ласунá. Погоня гайдамацька завернулася, бо жарко повїяла піхота зъ самопáлівъ; чоловікъ зъ десятокъ покотїлюся съ кульбáкъ.

Отъ и день розвідивсь. Окрикнувъ я їхъ трїчі, щобъ здавались. Ажъ за третімъ разомъ гукнули зъ лісу, добре частуючи й насъ и нашихъ батьківъ. Зновъ загукотїли гармати, затріщавъ лїс, застүкали сокири. Годїнь за три поробили кругомъ багна засїки, а сїснями завалили кругомъ гайдамацький табуръ и самїхъ надушили гибель. Пробува-ли сердєги одстрєлюватись, повилазивши на сїснн, а наша піхота собі брала їхъ на цїль. Та багно було дуже широкє, то не багáто вони намъ шкодили.

Отáкъ и день цілий минувъ. Стукъ та грїмъ та кўрава понадъ лїсомъ. А якъ стемнїло, усовїтувавъ Ласунъ поробити тайно на грєбляхъ завали зъ гілякъ, пеньківъ, каміння и хворосту, щобъ кінно черезъ нихъ не мójна було перебрáтись, бо запевне знавъ, що гайдамаки підуть на пролómъ. Здавсь намъ на добро єго совїтъ, бо справді Чортóвсь, роздїливши свою ватагу на три кўпи, здумавъ ударити разомъ трєма грєблями и прочїсати собі дорóгу.

Чатували ми всю нічъ підъ ору́жжямъ, прислухались до всьогó шєлесту. Якъ ось опівночі затупотїли коні, перше глұхо, а далі все чутнїйшє, якъ стали підходити до грєблї, а нарєшті загупá грєбля одъ копитъ, а гайдамаки загукáли: «Нўте, брáтця: *або добўти, або до́ма не бўти!*» — и припустили навзáводї. Дáно їмъ зблизнитись, щобъ стягну́ть усіхъ на грєблю, а потїмъ гу! — заревли гармати. Отоді вже зробїлося спрáжне пєкло. Що хвили́на, то й гукнуть гармати, не съ того, то съ того бóку. А порáнені кричáть, коні иржўть та бьютьця поміжъ понавáлюва-

нимъ гіллямъ, дерево скрізь тріщить та падає, а по бору гуна такъ и розлягається. А нічъ же то темна-темна! Тільки разъ-по-разъ сяє красний огонь зъ гарматъ: сийне, окаже кругомъ людей, коней, блискучу збрюю и рудий димъ хмарами звѣрху, та зновъ и погасне, тільки ревѣ та стогне кругомъ у темряві. Правдѣ було пекло. Цілу нічъ стріляли пушкарі, мовъ завязавши очі; тільки чули, що на грѣблі ворочається все и кишить якъ у казані. А якъ розвідніло, тоді тільки побачили, якѣ лихо сталося гайдамакамъ. Думали пробітись, сіромахи, черезъ грѣблю, та, позабывавшись у завалі, пропали тамъ, якъ бжолі въ бочці підъ пасішною довбешкою... Якъ бжолі карабкаються, тонуть и візнуть у густій патоці, якъ виверне пасішникъ у бочку важкі та повні забоцні; такъ вони сердєги, візли поміжъ гіллямъ и тонули въ багнахъ. Лежало їхъ багато. Ажъ жаль було дивитись! народъ усѣ здоровий та роскішний, и коні добрі; та все жъ то те пороздіране картєчами и покривавлене. Лежать бідáхи, повивертáвшись, густо, якъ снопи на хорóшій ниві. Якъ молотники, вєтáвши зрáння, стануть у два ряді на довгому току и бьють дубóвими ціпáми сніпъ за снопомъ, ажъ поки розлетітця увесь солóмою, такъ и їхъ порозбівано картєчами, пороздірано чауниими кўлями на шматкі и перемішано съ потрóченими гіліяками и колодїямъ. На великій грѣблі, у завалі, знайшли й самого Чортовýса на колóді. Нáвзнакъ лежáвъ сердєшний головою на колóді, роскїдавши крижёмъ рўки, а вўси, мовъ дві чорні гáдини, ростяглись по колóді, у крові всі, та й позасыхáли. Картєча вдáрила сіромаху сáме въ груди и вискочила въ спїну, роспорóвши пишний кармазинъ. Кровъ изъ рáни потеклá и по всьму жуцáнові и по золóтому поясу, зальлá и дорогóго бїлого коня, що лежáвъ підъ нимъ ўбитий. Шáблю при Чортовýсі и ору́жжя знайшли пречудóвне, та ба: нїхто не схотівъ ёго носіти, бо Чортовýсъ бувъ, кáжуть, чарівникъ и все те наговóрене чáрами. Одїнь князь Любомїрський не боявсь нї якихъ чаръ и взявъ собі ту шáблю и зброю. Порáненихъ душъ тридцять забрали и повезли до Полóнного на стрáту, здобичъ поділили поміжъ військомъ, а трупи четвертували и розстáвляли на пáляхъ по сєлахъ и шляхáхъ. Тільки съ того люде ще бїльшъ набїрали собі гайдамацького дўху: якъ покажуться було де сїчові гóсті, — вони їхъ криють по пасікахъ, дають їмъ острóгу, а комў нема життя одъ еконóмівъ та дозорцівъ пáнськихъ, ті й самі зъ гайдамаками пáнські будїнки руйнували. Тільки ми, надвірні, було, за пáнськимъ прїводомъ, ходимо на гайдамакъ. Здавалося: кудї, якѣ добро чїнимо, а ми тільки помагáли загнўздувати нáшихъ братівъ.

П а н ь к ó К а з ю к а,

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

II.

ТАРПАНЫ

(ДИКІЯ ЛОШАДИ.)

Видъ нашихъ новороссійскихъ степей производитъ на человѣка, первый разъ ихъ увидѣвшаго, такое сильное впечатлѣніе, что оно неизгладимо остается въ памяти. Ихъ образъ подъ вечеръ, или въ знойное лѣто, своею великостью и безыѣрностью, тишиною и пустынностью, столь же глубоко дѣйствуетъ на воображеніе, какъ видъ океана безбрежнаго и независимаго — на пловца, еще не свыкшагося съ бурями. Будто затихъ и не колыхнется цѣлый океанъ земли. Но не вѣрьте тишинѣ этого океана: онъ вокругъ васъ колышется и, какъ волнами, разбѣгается широкими логами и оврагами. Тамъ, по углубленіямъ, скалы выступаютъ изъ-за скалъ; тамъ бѣжитъ истомленный ручей, и по сторонамъ видны остатки весенней воды; тамъ роскошно льется рѣка; тамъ раскидываются богатые луга, и по островамъ синѣютъ лѣса. Не видно ни холма, ни пригорка, только могилы, да могилы. Возвышенности, которыя въ другихъ мѣстахъ разнообразятъ страну, какъ-будто выступая изъ земли, — въ степяхъ замѣнены разнообразіемъ углубленій. Только херсонскія, перекопскія и буджацкія степи улеглись не колыхнувшись.

Съ грустью глядитъ на нихъ сѣверный житель Россіи!

Но что были эти степи, поросшія гигантскимъ бурьяномъ и застланныя ковылемъ, за два вѣка предъ нами, даже въ половинѣ прошедшаго столѣтія, когда онѣ были владѣніемъ Татаръ и Запорожцевъ и именовались *Дикимъ Полемъ* у сосѣдей, и *Пустынями* за границею (les

deserts Zaporosens, solitudo)? когда, кромѣ вооруженныхъ запорожскихъ командъ, укрытой въ терну *рушійці* гайдамаковъ, безчисленныхъ стадъ и табуновъ и кое-гдѣ бѣлѣющей хаты зимовника, ничего не встрѣчалъ смѣлый путешественникъ? Дорогъ не было, кромѣ отвѣчныхъ шляховъ: Муравскаго и Чорнаго, по которымъ шли обозы за солью въ Крымъ, за рыбою на Донъ и Запорожье. Перетянувъ черезъ Днѣпръ, у Никитина перевоза, чумаки мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности отъ чумы и гадины; добывалъ изъ воза пикку, за-ряжалъ рушницу. Въ Ногайской стени уже ни сѣлъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если трава уродила и вода въ «полевыхъ рѣчкахъ» не повысыхала. Отъ запорожской границы до самой перекопской *баиты*, не увидать они уже ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, всегда вооруженными ножемъ за поясомъ, такихъ же дикихъ, какъ ихъ лошади.

Было гдѣ погулять и Татарину въ мохнатой шапкѣ и доброму козаку, и дикому коню; но время уничтожило всю вольницу новороссійскихъ степей, и Татарины и козака, котораго оно не могло превратить ни въ пикинера, ни въ желтаго гусара.

Оставляя до-поры, до-времени двухъ первыхъ, обручѣвшихъ уже, протопластовъ степей, я остановлюсь немного на третьемъ его видѣ — на дикихъ лошадяхъ или *Тарпанахъ*, по мнѣнію профессора Кесслера, переведшихся еще въ прошломъ столѣтіи, по мнѣнію же моего Омелька, еще, можетъ быть, и теперь гдѣ-нибудь *вѣштающихся*, не для того, чтобы укорить уважаемаго профессора, но совершенно по другой причинѣ — для *слѣда*.

При Бопланѣ, во второй половинѣ XVI вѣка, разгуливали по новороссійскимъ степямъ олени, сугаки, лани, кабаны дикіе, байбаки, буйволы, перепелки съ синими ногами, мясо которыхъ было смертельно, и дикіе лошади. »Онѣ ходили табунами, говоритъ Бопланъ, отъ пятидесяти до шестидесяти головъ, и нерѣдко заставляли насъ браться за оружіе: издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ дѣлаться ручными, но также ни къ чему негодны, развѣ только для пищи. Мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣе телятины, впрочемъ на мой вкусъ не такъ пріятно. Смачъ ость его — замѣчаетъ онъ — Украинцы заглушаютъ прианностями, которыми изобильно приправляютъ всѣ свои кушанья: они ѣдятъ перецъ, какъ горохъ. Дикую лошадь усмирить невозможно; она полезна только для мясного ряда, гдѣ конина продается

вмѣстѣ съ говядиною и бараниною. Впрочемъ дикіе кони разбиты на ноги; копыта ихъ разрастаются, дѣлаются толстыми (ибо никто ихъ не обрѣзываетъ) и не позволяютъ лошади быстро скакать. Такимъ образомъ, заключаетъ простодушно sieur, котораго мы такъ часто тревожимъ,—конь, непокорный волѣ смертнаго, лишается быстроты своей—ясное доказательство божественнаго Провидѣнія, которое предназначило животное это на службу человѣка.»

Позднѣ столѣтіемъ послѣ Бошана, Дитлей, въ *Дитскомъ Атласѣ* (Спб. 1771 года), говоритъ, что при волошескихъ и татарскихъ границахъ ходять стадами дикія лошади, которыя нѣсколько меньше дворовыхъ, но копыта въ-двое шире имѣютъ, нежели у оныхъ; буджацкіе Татары обыкновенно ловятъ ихъ въ мокрую осень, отчасти убиваютъ стрѣлами, окружая ихъ пристанище и съ ужаснымъ крикомъ вгоняя ихъ въ болото, изъ котораго онѣ скоро выбиться не могутъ. Убитыхъ вѣдаютъ, и тогда у нихъ бываетъ праздникъ; пойманныхъ же приучаютъ къ ѣздѣ, а особливо къ бѣгу; ибо онѣ чрезвычайно быстро бѣгаютъ.»

Въ своемъ путешествіи по святымъ мѣстамъ (*Pielgrzymka do ziemi świętej*, 1839), Головинскій говоритъ: «Но есть еще въ Херсонской губерніи и дикія лошади. Мнѣ рассказывалъ одинъ мѣстный управляющій, что онъ не одинъ разъ видѣлъ табуны дикихъ лошадей, которыхъ пасетъ и сторожитъ жеребецъ; самъ онъ пасется вдали отъ прочихъ лошадей, присматриваясь, нѣтъ ли гдѣ опасности. Жеребецъ смотритъ, чтобы табунъ держался вмѣстѣ, и, если замѣтитъ гдѣ-нибудь домашнюю лошадь, заблудившуюся въ степи, забираетъ ее силой въ свою команду. Однажды, если только вѣрится управляющему, онъ, скрывшись ворву, видѣлъ между дикими лошадьми одну домашнюю, и еще въ хомутѣ! Эти лошади малаго роста, но хорошихъ статей и быстры, различныхъ мастей, но болѣе мышатя, а жеребецъ всегда этой масти; только что рожденнаго жеребенка онъ самъ чиститъ. Мѣстные жители умѣютъ ихъ ловить арканами, но, пойманные, онѣ никакой пользы не приносятъ: или сами убиваются, или умираютъ, затосковавши, или же, освоившись, теряютъ, что называется, фантазію и дѣлаются лѣнливыми. Потому-то ихъ теперь никто и не ловитъ; онѣ ведутъ свободную жизнь, проводя зиму у стоговъ сѣна.»

Вотъ и есть слѣды, что дикія лошади еще такъ недавно существовали въ Херсонской губерніи. Я съ особеннымъ удовольствіемъ перечитывалъ эту замѣтку Головинскаго, которая не лишала степей первообраза ихъ первобытной пустынности и дикости.

»Но у меня, подумаль я, есть еще подъ рукой одинъ источникъ: не можетъ быть, чтобы Омелько, туристъ и двадцати-пяти-лѣтній скиталецъ степей, не вынесъ о тарпанахъ чего-либо видѣннаго или слышаннаго.«

— Омельку, дай пожалуйста понюхать табаку, говорю я.

— Съ удовольствіемъ моимъ большимъ, говорить и, откидывая полу свитки, изъ кармана, въ которомъ всегда, не прѣмѣнно былъ *гаманецъ* съ *причандаломъ*, вынимаетъ тавлинку и, давая мнѣ *нюхъ*, самъ *заживае*.

— Скажи мнѣ, *голубе*, правда ли, что одинъ панъ пишетъ, будто уже на вашихъ степяхъ нѣтъ дикихъ лошадей?

— Не вѣрьте, ей Богу, не вѣрьте, что они тамъ пишутъ! Ъдетъ панъ столбовою дорогою да и думаетъ, что ему онѣ на дорогѣ попадутся: *найшли дурныхъ*! А я такъ видѣлъ собственными глазами (ему правильнѣе надо было сказать: собственнымъ глазомъ) около Николаева, верстѣ шестьдесятъ къ морю, въ Калиновкѣ, гдѣ уланское поселеніе.

— А давно?

— На третій годъ послѣ смерти вашего дѣдушки (1835). Какъ пошелъ я за границу (¹), то и сталъ я въ Калиновкѣ, у Ситниченка Игната. Добрый, заможный былъ хозяинъ. Въ воскресенье или въ праздникъ, бывало, сговорятся они съ сосѣдомъ Никитой Совой: »А ну, братцы, поѣдемъ за дичками, стебнуть по крючку!« и меня возьмутъ съ собою. Выѣдешь — степь вокругъ тебя какъ море, только небо синѣетъ. Тамъ яровъ много, есть и рѣчка и большой яръ Сагайдакъ. Весною въ рѣчкѣ есть вода, а лѣтомъ только въ каменныхъ ямахъ стоять: дно въ рѣчкѣ, знаете, каменное. Вотъ засядемъ мы въ яру, сидимъ, да и углядимъ табунъ, головъ пятьдесятъ или шестьдесятъ... скорѣй изъ яру; *поприлигаемъ* на коняхъ и подѣзжаемъ *ступобю* къ табуну. А жеребецъ, только что замѣтитъ коней, думаетъ, что ѣздовъ на коняхъ нѣтъ, станетъ на заднія ноги, въ ноздри *здорово хрюпнѣ*, сунется до насъ, да и назадъ къ табуну; мы на стадо — и разбиваемъ табунъ на три части; дурное какое-нибудь лошаи останется; бѣжитъ до него matka, а жеребенокъ уже увязался до насъ; вотъ тогда сберешь арканъ...

— Какіе же у васъ употребляли арканы, Омелько?

(¹) Т. е. въ Херсонскую губернію.

— Сказано—какіе: волосяные, саженой въ двадцать или тридцать. Якъ *стѣбнѣиш* арканомъ, то на томъ мѣстѣ, гдѣ была голова, очутитъ ся хвостъ, а арканъ привязанъ къ сѣдлу. Послѣ придушишь, выманежишь, приглушишь и привяжешь до своего коня; такъ и приводишь до дому; учишь его, учишь,—нельзя ничего сдѣлать; подъ верхъ, при другомъ свойскомъ конѣ, то еще туда-сюда; но въ хомутѣ или въ шлѣхъ нельзя научить. Ляжетъ, визжитъ, хотъ пожемъ рѣжь, не встаетъ, а выпряжи — схватится. Вотъ у Ляшенка, два года дикая лошадь была; разныхъ онъ практиковъ доходилъ съ нею—никуда негодится, — только развѣ на ярмарку въ Березовку вывести да продати за два карбованца татарамъ: за-ради мяса купать. А Курта, Петро Ивановичъ, тотъ, правда, выучилъ *одгульня*, хотъ своихъ триста головъ лошадей имѣлъ; сказано — для любопытствія: »есть свои кони, а на дикихъ ѣзжу.«

— Чтѣ же это за одгульни?

— Вотъ видите: попасаетъ себѣ мужичекъ конячку, конячка пасется и все дальше отходитъ, а мужичекъ спитъ на солнцѣ да потягивается; — прибѣжитъ, увидѣвши ее, дикій жеребецъ, огаръ значить, и займетъ конячку; а если случится, что займетъ кобылу, то отъ тоеі — одгулень родится; такого еще, пополамъ съ бѣдою, можно подъ верхъ выучить; но *щирого дичка* — никогда. А разъ Ситниченко кованого на всѣ четыре ноги свойскаго коня загналъ изъ дикаго стада въ каменную кошару и тамъ поймалъ; одичавѣлъ совершенно. То былъ конь одного купца; за два года совсѣмъ одичавѣлъ; однако купецъ, по-сосѣдски, за семьдесятъ рублей на ассигнаціи коня выкупилъ. Миѣ одно каторжное лошя штаны на куски порвало. У Рингеля, купца, поймали лошя, обручнѣло оно немного, уже стрижакомъ учинилось. Разъ повѣсилъ я штаны на землянку, а оно пришло и погрызло. »Чтѣбъ тебя навѣженного волкъ сѣлъ!« говорю. Чтѣ вы думаете! таки въ ту самую ночь и сѣли! въ такую значить пору сказали.

— А какой они масти?

— Масти они всегда мышастой, только черная полоса идетъ по спинѣ, будто батогомъ кто ударилъ. На видъ хороши; ростомъ будутъ съ добрую двухъ-лѣтнюю конячку, только въ персяхъ такіе складныя, гарныя да дужія; а которыя другой масти, то не щирія дички, а одгульни, копыта какъ у свойскаго коня.

— Какъ же, Омельянь, я читаю, что копыта у нихъ разрастаются и дѣлаются здоровенными?

— Ей-Богу, не слушайте! Какъ чоботь у себя, такъ я у нихъ копытъ

бачивъ; хоть на присязі скажу. Мало ли что говорятъ? такіа и такіа — и голова большая... а я такъ видѣлъ своими глазами. Отчего же, я слышалъ, что есть дикія коровы, а не скажу? бо не видѣлъ.

— Такъ съ нихъ и пользы никакой нѣтъ?

— Люди на нихъ не ласы; никакой пользы не даютъ; развѣ только на жиръ бьютъ. Засядетъ человекъ гдѣ-нибудь въ ямѣ; убьетъ изъ ружья, сдеретъ жиръ и смѣшаетъ его съ дегтемъ; старыя очень жирны, да и какъ имъ не быть жирными, когда зиму пѣлюю около стоговъ трутся? Теперь вѣрно уже ихъ нѣтъ. Сильно народно стало, змандровали въ другіе края. Не хотятъ служить человеку, а когда-то, говорятъ, они людямъ, которыя на тѣхъ мѣстахъ прежде жили, служили; а теперь, видно, не хотятъ служить *чоловікові*.

— Что я слышу, Омелянъ? ты меня опять наводишь на сближеніе, какъ гончаго на тропъ за зайцемъ. Видишь ли, одинъ дѣдъ, звали его Геродотъ, еще лѣтъ четьреста передъ Р. Хр., описываетъ, что тамъ, гдѣ Днѣстръ наиболѣе сближается съ Бугомъ, жили самые Скиты (кочевые Скифы), а около нихъ по сосѣдству — Доброконники (Калиппиды), — на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Николаевъ, Брацлавъ, Винница, гдѣ Уманщина, гдѣ Конскія Воды, — и говоритъ, что они дуже любили гарныхъ коней, и разводили ихъ.

— Гдѣ же они теперь? спрашиваетъ Омелько.

— Смандровали куда-то.

— Ну, можетъ быть, послѣ нихъ осталась какая пара въ стѣняхъ, одичавѣла, а послѣ и расплодились дикіе кони. Сказано — не хотѣли служить другому народу, пока и не перевелись.

»И я хотѣлъ что-то подобное сказать!« подумалъ я. ⁽¹⁾

⁽¹⁾ По просьбѣ редакціи. Я. Г. Кухаренко сообщилъ слѣдующія замѣчанія о дикихъ лошадяхъ, водящихся до сихъ поръ въ Черноморіи:

Дикія лошади (говоритъ онъ) бываютъ росту малаго, похожи на вятковъ, но не имѣютъ такого правильнаго склада. Вообще они, противу роста своего, имѣютъ голову большую, лобъ широкій, челюсти тоже широкія, грудь посредственную; крупъ у нихъ всегда крутой, округленный; уши умѣренные, но толстыя; холки нѣтъ, или едва замѣтна; спина круглая, такъ что сѣдло, крѣпко подтянутое подпругами, едва держится и, при малѣйшемъ ослабленіи, подворачивается; копыта, какъ у горныхъ лошадей, ввидѣ опрокинутого стакана, и крѣпкіе; мастью — темно-мышастыя или темно-каштановыя, съ чернымъ ремнемъ по спинѣ. Они дики до-того, что, завидѣвъ человека, — повозкою ли онъ ѣдетъ, или верхомъ, — поспѣшно убѣгаютъ, скрываются отъ глазъ и на виду ни какъ не остановятся.

Между дикими лошадьми не мало есть вѣдугливыхъ (или *бодульныхъ*, какъ

III.

ENTRÜCKTE HELDEN.

(ЛИЦАРІ-НЕВМИРАКИ.)

У меня, въ хатѣ, на стѣнахъ налѣплены разныя лубочныя картинки: воины на коняхъ, корабли, Ерусланъ пылко - пламенный, Бова великодушный и надменный, Иванъ-царевичъ на бодромъ конѣ съ жаръ-птицею въ клѣткѣ. Эти украшенія я налѣпливаю по стѣнамъ для приманиванія къ себѣ моихъ малютокъ — племянника и племянницы, которыхъ я, старый холостякъ, люблю. Придутъ они изъ деревни ко мнѣ, такіе маленькіе. »Покажи, говорятъ, сѣраго волка, дядя!« Дядя ихъ на руки, поцѣлуетъ; а они обнимаютъ его и тянутся или къ воину современному, или къ милому Бовѣ.

назвалъ Омелько), т. е. лошадей *свійськихъ*, ручныхъ, въ разное время появившихся между дикихъ, которыя охотно ихъ принимаютъ, а особенно кобылицъ. У этихъ лошадей, копыта плоскія, хотя и разрастаются въ величину, но излишки копытъ обламываются сами собою, такъ точно, какъ у лошадей нашихъ степныхъ табуновъ, которымъ копытъ никто никогда не обрываетъ, и они не мѣшаютъ скорому бѣгу. Не очищенное копыто мѣшаетъ только лошади рабочей.

Віоцупльні бываютъ, обыкновенно, разныхъ мастей, но родящіеся отъ такихъ матокъ жеребята всегда принимаютъ масть и складъ *тапана*, потому что происходятъ отъ дикихъ жеребцовъ. Не было случая получить породу отъ ручного жеребца и дикой матки.

Табуны дикихъ лошадей дѣлятся на косяки, какъ и наши степные: косякъ можетъ состоять изъ 30 штукъ матокъ (наибольшее число, ато всегда менѣе). Косяки часто соединяются или держатся не вдали одинъ отъ другого. Съѣхать ихъ на равномъ мѣстѣ, хотя пригнувшись на лошадяхъ (какъ говоритъ Омелько), нѣтъ возможности: жеребцы всегда предусматриваютъ опасность. Были случаи, что охотники нагоняли дикихъ лошадей въ кѣльи между двухъ тонкихъ бѣлокъ, съ цѣлью загнать ихъ въ болото; но, не смотря на преслѣдующую ихъ облаву охотниковъ, при видѣ явной опасности, они бросаются сквозь облаву, хотя бы то и съ урономъ, какъ это и случается въ такомъ случаѣ почти всегда.

Весною, когда жеребята не имѣютъ еще двухъ недѣль отъ роду, они обыкновенно прилѣпляются къ ручнымъ лошадямъ и остаются между ними; но позже этого возраста жеребенокъ такъ быстръ и смысленъ, что не отстаётъ ни на шагъ отъ матки. Зимой охота на нихъ удобнѣе. Когда поле покрыто толстымъ слоемъ снѣга, дикія лошади пробиваютъ себѣ одну дорогу въ степи къ скирдамъ сѣна, по которой и ходятъ. Нужно знать концы этой дороги, или *тасымы*, чтобы ее съ обѣихъ сторонъ занять охотниками. Это дѣлается не на близкомъ разстояніи. Показавшіеся

Сегодня послѣ обѣда, — а день такой жаркій, — я, заснувши немного, велѣлъ Омельку подать себѣ дыню. Омелько приноситъ ее, замыслова-то постукиваетъ по ней рукою, приговаривая: «Щірая дубовка, настоящая дубовка!» И точно, разрѣзавъ ее, я ахнулъ: аромат былъ необыкновенно пріятный, вкусъ тоже.

— Вотъ и тебѣ кусокъ, Омелько: ѣжь, чтобы зналъ, какія у насъ чудеса растутъ на баштанѣ.

— Я вамъ говорилъ, что на той сторонѣ будетъ добрый баштанъ. Дастъ Богъ, доживемъ слѣдующаго лѣта — еще больше скопаемъ горы и засадимъ. Дыня, нечего сказать, хороша, замѣтилъ Омелько, тонко срѣзывая кожицу съ нея своимъ складнымъ ножомъ, который онъ всегда, по старой привычкѣ, имѣлъ при себѣ на припонѣ, содержалъ въ полной исправности и острилъ. — Ну, а кавуны не выдутъ противъ дынь.

И, чтобы разговоръ не сдѣлался для меня черезъ-чуръ лестнымъ,

съ двухъ сторонъ охотники заставляютъ дикихъ лошадей оставить дорогу и избрать другой, непробитый путь. Такъ какъ глубокія рытвины и крутыя балки въ степи заматаются наноснымъ снѣгомъ, то и случается, что утонувшія въ такомъ снѣжномъ заносѣ дикари дѣлаются добычею охотниковъ.

Дикія лошади отъ природы свирѣпы. Онѣ легко перекусываютъ зубами наброшенный имъ на шею волосяной арканъ (*накидальный повалець*). Для этого употребляютъ арканъ пеньковый, длиною до 12 маховыхъ сажень (т. е. по $2\frac{1}{2}$ аршина каждый) или 30 арш. (а не сажень, какъ говоритъ Омелько). Накинувшій дикую лошадь, беретъ арканъ подъ правую ногу (*підъ післице*). Прирученный арканный конь сѣдока становится бокомъ, упираясь ногами; петля аркана на шеѣ дикой лошади затягивается, и, отъ прервавшагося дыханія, жертва падаетъ; прочіе сѣдоки быстро спѣшиваются; одинъ хватается за уши изза спины, пригибаетъ голову къ землѣ, прижимая колѣнами шею, другой, тоже изза спины, хватается за пахву и, пронявъ хвостъ дикой лошади между ногъ, держитъ крѣпко обѣими руками его конецъ. Прижавшій къ землѣ голову освобождаетъ на шеѣ затянутый арканъ; дыханье возвращается; тогда, извѣстнымъ порядкомъ, тѣмъ же арканомъ бротають за морду дикую лошадь. Накинувшій арканомъ всадникъ олять подбираетъ покорооче подъ ногу арканъ; придерживавшіе за уши и хвостъ дикую лошадь пускають, и она, поднявшись на ноги, стремится въ сторону; за нею подается всадникъ съ арканомъ, а прочіе, сбивая съ произвольнаго направленія дикую лошадь, гоняютъ ее, куда имъ нужно. Это способъ брать живьемъ. Въ противномъ же случаѣ рѣжутъ, снимають кожу и жиръ, имѣющей особенное свойство смягчить ремни.

Въ Черноморіи есть до настоящаго времени на степяхъ, между рѣками Еєю и Кугосею, табунъ дикихъ лошадей штукъ до 70 съ *приульнями* (*відчульнями*), въ верховыхъ балкахъ: Кавалеркѣ и Грузькой. Другой косякъ дикихъ коней водится на верховьяхъ р. Сасыка, на пространствѣ между Нововолевушковской и Калниболотской станицами.

Омелько круто поворотилъ его и, съѣвши дыню, сдѣлалъ его историческимъ.

— Вотъ какой богатырь на сѣромъ волкѣ ѣдетъ! а онъ, каналья, на весь скокъ вытянулся, хвостомъ землю мететъ. Гдѣ-то вы, сердечные, теперь подѣвались? Не видно уже васъ нигдѣ!

— И точно, Омелько, гдѣ же они теперь вѣштаются? неужели со-всѣмъ перевелись?

— Нѣтъ, они еще и теперь сидятъ за моремъ, и не пускаютъ вотъ такихъ змѣй въ наше царство, какіе, видите, вотъ намалѣваны. Какой, смотрите, лыцарь! двѣ головы змѣю срубилъ, одну оставилъ и ѣдетъ, какъ на коню. Вотъ, когда у насъ бываетъ блискавица, это значить, что богатыри за моремъ съ змѣями бьются и не пускаютъ въ наши стороны.

— А тебѣ же, Омельянъ, случилось на своемъ вѣку видѣть богатыря?

— Случалось не случалось, а слышать—слышалъ. Былъ въ Стайкахъ одинъ человѣкъ: возьметъ дубка, какъ двумя руками обхватить, и скрутить; возьметъ жерновъ, что лежалъ около мельницы, спуститъ съ горы къ Днѣпру, а послѣ опять черезъ день всташитъ на гору и поставитъ около Млиня на кантъ; а гора, правда, крутая, двѣ пары воловъ только-только-что могутъ на нее вывезти корцевъ пять-шесть. Вся громада видитъ, что кто-то пробуетъ силу, да никто не знаетъ. «Кто бы это былъ такой?» думаютъ, да не могутъ дойти. Приходитъ батюшка; спрашиваютъ его: «Кто это камень на кантъ поставилъ?» Батюшка только рукою махнетъ. Приходитъ дякъ; спрашиваютъ и дяка. «Что вамъ говорить? кѣже дякъ; вамъ сказать — на весь міръ сказать, всѣ знатимуть. Это вдовинъ семилітокъ творить; онъ, какъ на батюшкудохнетъ, то ему не можно на воздухахъ устоять, чуть только подуесть на него» (1).

— Гдѣ же дѣлся вдовинъ семилітокъ?

— Говорили, что въ Царь-градъ ушелъ, туда, гдѣ Михалко на кошь Золотые врата держитъ.

— Какой это, Омельянъ, Михалко?

— Ото, видите, когда-то Кіевъ брали Татары, отсыпались отъ нихъ Кіяне валами; но ничего не помогло: лѣзутъ Татары въ городъ, какъ муравьи. Кіяне и задумали отдать городъ; собралась громада, всѣ со-

(1) Ср. *Записки о Южной Руси*, П. Кулиша, I, 163.

гласились, только одинъ лыцарь — назывался онъ Михалко — не соглашался. »Панове громада! говоритъ, поганая ваша рада! не хочу я зъ вами жити, Татарину служити.« Да подъѣхалъ къ царскимъ Золотымъ воротамъ, поднялъ ихъ на ратищѣ и унесъ съ собою въ Цареградъ. Рассказываютъ старики, что еще разъ будутъ Татары брать Кіевъ, еще разъ знівечать церкви Божі, тогда опять явится Михалко, принесетъ на конѣ Золотыя ворота и прогонитъ непріятеля. Онъ и теперь живетъ и всё ѣстъ одну проскурку, которую ему дали изъ Лавры. Вотъ и говорятъ, что около него всё наши богатыри собираются. Вѣрно, и вдвинуть семилітокъ тамъ. ⁽¹⁾

— Почему же имъ, Омелянъ, въ нашихъ краяхъ не жить?

— Я жъ говорю вамъ, что они змѣевъ и разныхъ гадівъ не пускаютъ въ хрещеную землю; а другое, что уже... вѣрно, и тѣ времена прошли; нельзя имъ объявиться. Видите, и засідателей, и приставовъ повывудывали, — ко всему придерутся. И богатыря сотекіе схватятъ, да какъ отведутъ въ станъ — да въ тюрьму! Богъ знаетъ, сколько бы его водили изъ тюрьмы въ тюрьму; самому бѣ остобісію локтями стіни терти. Какъ бы стали брать одни допросы, то не захотѣлъ бы и богатыремъ быть. Нельзя теперь являться никакому чуду. Явится гдѣ-нибудь надъ крыницею икона, — и ту, прости Господи, не оставятъ въ покоѣ.

— Какъ же, Омелянъ? ну, положимъ — богатыря поймутъ, закупаютъ въ кандалы; вѣдь онъ встрепенется — и кандалы вонъ, а самъ — кого хватить за ногу, то нога прочь, кого хватить за голову — голову прочь?

— Ба, ба, ба, Петро Ивановичъ! то было въ старое время, когда еще ружья не выдумали да пороху; тогда стрѣляли стрѣлами. Смотрите на Ивана царевича, какой панцирь! гдѣ его пробить стрѣлою! а пулю — не то серебряннымъ гудзикомъ — можно свалить всякаго сильно-могущаго богатыря. А всё-таки (послѣ долгой паузы заключилъ Омелко) есть они и теперь между нами, только потаенно скрываются: начальство есть — нельзя имъ грассовать по-прежнему.

»Куда духъ времени пошелъ!« подумалъ я.

¹⁾ Ср. легенду о томъ же въ *Зап. о Южн. Руси*, I, 3.

Кромѣ Михалка, который еще не умеръ, для Украинцевъ цикль Дантовскихъ разсказовъ сосредоточивается еще вокругъ чрезвычайно поэтической личности Вернигоры. Съ представленіемъ Вернигоры соединяются еще древнія міѳологическія понятія, которыя придаютъ особый характеръ его чудесной личности. Вернигора, по народному преданію, родился на лѣвомъ берегу Днѣпра, тамъ, неизвѣстно по какой причинѣ, убилъ брата и убѣжалъ на правый берегъ Днѣпра. Это случилось во время бунта Залізняка; страны, по обѣимъ берегамъ рѣки, вступали между собою въ сношенія; собиралась большая буря. Вернигора, вдохновенный пророческимъ духомъ, отклонялъ народъ отъ кроваваго дѣла, громко предсказывая страшный конецъ его. Съ этой цѣлью странствовалъ онъ по всей Украинѣ. Духъ его узналъ о томъ, что должно быть, въ то время, когда тѣло его было погружено въ смертный сонъ. Вырвавшаяся изъ земныхъ оковъ, душа Вернигоры три дни блуждала въ небесныхъ пространствахъ. Старецъ съ сѣдою бородою ведетъ душу умершаго (какъ *psychopompos* у Грековъ, какъ *der getreue Eckhart* въ германскихъ сказаніяхъ), показываетъ ему въ райскомъ саду радость благословенныхъ, а въ чистилищѣ — какъ души ходятъ по мытарствамъ; въ адѣ — какія муки претерпѣваютъ онѣ за разныя совершенныя ими преступленія. Изъ чистилища въ адъ ведетъ висячая перекладина надъ пропастью (мостъ, о которомъ разсказывается въ подобныхъ преданіяхъ всѣхъ народовъ). Такимъ образомъ всюду сопровождая душу и все показавши ей, старецъ наконецъ позволяетъ ей возвратиться къ живущимъ и разсказать на этомъ свѣтѣ все, что она видѣла въ своемъ восторженіи, кромѣ только трехъ словъ, потому что, еслибы она ихъ говорила, то сей-часъ бы умерла. Вотъ что случилось съ Вернигорой: онъ видѣлъ муки гайдамаковъ, обрызганныхъ кровью, безъ руки и ноги, видѣлъ еще прежде, нежели была усмирена Коліивщина и панъ судья Дубровскій съ паномъ regimentаремъ Стемковскимъ судили преступниковъ на земли. Во время своего странствованія, Вернигора осматриваетъ и разспрашиваетъ души о томъ, что со временемъ должно быть. Въ концѣ третьяго дня старецъ привелъ Вернигору на перекладину, повисшую надъ ужасною пропастью, изъ которой выходилъ нестерпимый смрадъ трупа; старецъ показалъ ему, что это его брѣнное тѣло, и низвергнулъ его въ пропасть, — и Вернигора вдругъ возвратился къ жизни. То же самое и въ божественной комедіи Данте. Разсказываютъ, что Вернигора не умеръ, что въ Македоны, въ деревню, въ которой онъ родился, пріѣхалъ кто-то на бѣломъ конѣ и взялъ съ собою украинскаго

чародѣя, сказавъ ему только: »А что? пора уже тебѣ.« При концѣ міра Вернигора явится вмѣстѣ съ всадникомъ на бѣломъ конѣ.

Вернигора принадлежитъ къ числу тѣхъ мифическихъ героевъ, которые, хотя и исчезли изъ видимаго міра, однако не умерли. Очевидно, что это лицо, еще столь свѣжее въ воображеніи народа, смѣшалось съ другими мифологическими лицами языческихъ волшебниковъ: самое названіе Вернигора напоминаетъ о Титанѣ.

Но г. Изопольскій (Dumy i piesni ludu Ukrainskiego) изъ нѣкоторыхъ сказокъ и преданій выводитъ мысль, что Вернигорой звали одного изъ горячихъ приверженцовъ Мазепы — Орлика, или пожалуй, и самого Мазепу, за то, что онъ вздумалъ свѣять власть Россіи надъ украинскимъ козацствомъ. Изопольскій приводитъ доказательства:

1) Сидоръ Торопакъ, старый запорожецъ, котораго онъ встрѣтилъ на хашоватскомъ паромѣ черезъ рѣку Бугъ, на вопросъ его: не знаетъ ли онъ чего о Вернигорѣ? отвѣчалъ, что Вернигору помнитъ онъ еще тогда, когда его называли Смыкомъ и Мазепенкомъ; а Вернигорой такъ, для смѣху прозвали его, когда онъ былъ только простымъ козакомъ Корсунскаго куреня; ибо прежде Смыкъ былъ полковникомъ Корсунскимъ.

2) Въ 1828 году пасічникъ Яковъ, въ Павловкѣ, подѣ Тирасполемъ, рассказывая о Вернигорѣ, называлъ его Бондаремъ Орличенкомъ, а Вернигору прозвали ёго за те, що більш хотівъ, ніжъ сила.»

3) Въ 1829 году онъ зналъ въ Липовцѣ столѣтняго старца, который самъ себя называлъ Петромъ Кметою, какъ его называли на Запорожѣ, а не Кмітою — названіемъ, даннымъ ему за конфедераціи. На вопросъ: не помнитъ ли онъ кого нибудь изъ своихъ вождей? запорожецъ назвалъ Мазепу, Вернигору. »Забуваєшь, діду, говорить Изопольскій: ты еще не родился, когда Мазепа умеръ.« — »Что вы знаете! отвѣчалъ онъ: Мазепа умеръ только послѣ того, якъ Січъ зруйновали; и Січъ то атаковали черезъ него, хотя онъ и не жилъ въ самой Січи, а жилъ хуторомъ на корсунскихъ степахъ, назывался Бондаремъ и училъ лобуровъ играть, співать, а потомъ разсылалъ ихъ въ свѣтѣ, чтобы Мазепу славили и на Москаля козака поднимали. Я самъ его видѣлъ; онъ меня до конфедератовъ выправилъ.«

Не все то умерло на Украинѣ, что жило!

П. РЕВЯКИНЪ.
Хуторъ Вовча Долина.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Поѣздка въ Южную Россію. А. Аванасьева-Чужбинскаго. Часть I. Очерки Днѣпра. С. Петербургъ. 1861. Въ 8-ю д. Стр. 465.

Книга эта была напечатана статьями въ *Морскомъ Сборникѣ*. Авторъ предувѣдомляетъ насъ въ самомъ ея началѣ, что онъ былъ »командированъ морскимъ начальствомъ, съ цѣлью описать судоходство, рыболовство и вообще бытъ сельскихъ жителей, обитающихъ по Днѣпру и Днѣстру«, и этому-то обстоятельству обязаны мы появленіемъ въ свѣтъ *Очерковъ Днѣпра*, которые составляютъ только начало этнографическаго труда г. Аванасьева-Чужбинскаго.

Очеркамъ Днѣпра предшествуетъ у него взглядъ на исторію края, по которому онъ путешествовалъ. Исторія Южной Руси, въ общихъ чертахъ своихъ, благодаря прекраснымъ трудамъ г. Костомарова, уже опредѣлилась достаточно для того, чтобы люди, способные интересоваться этнографіею, могли приступить прямо къ дѣлу, вмѣстѣ съ авторомъ; но, видно, авторъ находить установившійся на нашу исторію взглядъ не достаточно вѣрнымъ и только изъ учтивости не сознается въ своемъ разномысліи съ г. Костомаровымъ. Поэтому онъ объявляетъ своимъ читателямъ самымъ внушительнымъ тономъ, что »со временъ Петра (sic) I-го Малороссія выздоровѣла и единодушно сознала, что разливъ ея вошелъ въ свое нормальное русло, и тихо, счастливо течетъ по назначенію въ огромный лиманъ Руси, вливающийся въ океанъ человѣчества.« (Стр. 2.)

Успокоительно дѣйствуетъ на душу бесѣда съ подобнымъ писателемъ, хотя новость его взгляда на исторію и поражаетъ васъ нѣкото-

рымъ изумленіемъ. Не то, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ новое, но онъ такъ искусно умѣетъ выхватить изъ забвенія мнѣніе какого-нибудь Бантыша-Каменскаго, что оно представляется почти такимъ же новымъ, какъ и мнѣнія московскаго *Дня*. Впрочемъ, г. Аванасьевъ-Чужбинскій не чуждъ взглядовъ на прошедшее, истинно-оригинальныхъ, собственно ему принадлежащихъ. Напримѣръ, на стр. 3, онъ говоритъ: »Всѣ эти три народа (Польскій, Литовскій и Южно-Русскій) составляли одно государство и управлялись, каждый, своими собственными вождями или гетманами«. А мы до-сихъ-поръ думали, что гетманы были только начальники военной силы и не болѣе, какъ члены правительства. Мы до-сихъ-поръ воображали, что Выговскій, будучи независимъ отъ Польши, серьёзно домогался отъ польскаго правительства, чтобы ему, будучи гетманомъ (т. е. военачальникомъ), быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и воеводою Кіевскимъ (т. е. гражданскимъ правителемъ). О Польшѣ и Литвѣ мы ужъ и не говоримъ: у насъ давнымъ давно было рѣшено, что тамъ законодательство и управленіе зависѣли вовсе не отъ гетмановъ. Но — какъ теперь видимъ — мы діаметрально расходимся съ г. Аванасьевымъ-Чужбинскимъ въ понятіяхъ объ исторіи. Мы, напримѣръ, думаемъ, что Польша сама довела себя до нынѣшняго своего положенія, а г. Аванасьевъ-Чужбинскій открылъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ документамъ, что »персть Божій указалъ настоящую судьбу этого страннаго государства«. (Стр. 3.) Не мудрено, что ему »страшно приподымать завѣсу прошедшаго« (тамъ же), и потому, можетъ быть, онъ не слишкомъ много и приподымаетъ ее, ато бы мы узнали отъ него еще не такія вещи.

Переходя отъ предмета къ предмету съ ловкостью литератора, очень искуснаго въ своемъ дѣлѣ, г. Аванасьевъ-Чужбинскій вопрошаетъ иногда своего читателя такимъ образомъ: »Неужели же мы живемъ во времена Петра Великаго (sic), когда можно еще было ожидать недовольныхъ между малорусскими старшинами?« (Стр. 6.) Нѣкоторыя мѣста у него такъ хороши, какъ-будто перомъ его водилъ самъ г. Срезневскій. Напримѣръ: »Многіе изъ земляковъ моихъ пробовали писать по-малорусски, но попытки эти предпринимались для пріятнаго препровожденія времени земляковъ, а не — какъ полагаютъ нѣкоторые — для развитія малорусской литеретуры«. (Стр. 13).

Немного страницъ посвятилъ авторъ историческому введенію въ свою книгу, но много высказалъ. И хорошо сдѣлалъ: теперь мы знаемъ, съ кѣмъ отправляемся въ странствованіе по берегамъ Днѣпра и чего мо-

жемъ ожидать отъ подобнаго проводника. Переходя отъ общаго очерка историческаго къ общему очерку этнографическому, онъ изображаетъ намъ украинскаго поселянину беззаботнымъ и медленнымъ и, спасибо ему, предполагаетъ въ немъ довольно способностей, чтобы сравниться нѣкогда, въ отдаленномъ будущемъ, съ нѣмецкими колонистами по предмету опрятности и благоустроенности сельской жизни. Въ этомъ онъ сходится съ тѣми великими умами, которые на нѣмецкія колоніи взираютъ, какъ на образецъ, поставленный передъ глазами *неповоротливыхъ хохловъ*. Онъ восхищается сравнительнымъ благосостояніемъ этихъ колоній и, подобно онымъ великимъ умамъ, упускаетъ изъ виду общественное ихъ устройство, какъ общинъ самоуправляющихся, и длинный рядъ годовъ свободы отъ всѣхъ податей и повинностей. Съ упованіемъ, свойственнымъ писателю-чиновнику, онъ смотритъ на пароходы и паровозы, какъ на рога изобилія, отъ которыхъ наши села процвѣтутъ необычайно, и, какъ таковому писателю, ему и въ умъ не приходитъ, что пожинаютъ только сѣятели и что далеко еще то время, когда наши села будутъ въ состояніи позаботиться сами о своихъ нуждахъ для пользы родного края. Грядущая цивилизація представляется ему разсадникомъ всякаго добра между нашими поселянами, не смотря на то, что у нихъ не явилось еще потребности къ своеобразной цивилизаціи, или что пробужденіе этой потребности не поддерживается въ нихъ непризванными цивилизаторами. «Я», говоритъ онъ, «не утопистъ и не фразѣръ (?), но *глубоко* знаю природу племени, о которомъ говорю (!!)» (Стр. 38.) А мы ужъ начинали думать о немъ противное! Но когда человекъ самъ о себѣ говоритъ такъ положительно, что онъ глубокій знатокъ натуры изслѣдуемаго племени, возражать противъ этого — дѣло излишнее.

Введеніе въ книгу г. Аванасьева-Чужбинскаго, занятое описаніемъ характера Украинца-поселянина, его домашняго быта, земледѣлія и чумачества, праздничныхъ обрядовъ и народной демонологіи, занимаетъ 52 страницы, которыя производятъ странное впечатлѣніе: кажется, какъ будто эти 52 страницы читаешь не въ первый, а въ десятый разъ. Но, можетъ быть, это на однихъ насъ онъ такъ странно подѣйствовалъ. Всѣ-таки мы остаемся въ убѣжденіи, что г. Аванасьевъ-Чужбинскій, при всемъ своемъ искусствѣ давать исторіи надлежащій, *благоприличный* толкъ, не совсѣмъ искусно пишетъ введенія.

Книга его дѣлается интересною съ 1-й главы *Поездки на Днѣпровскіе Пороги и на Запорожье*. Не приписывъ онъ къ ней чего-то въ видѣ своего «общаго взгляда», а попросту предисловія (въ ко-

торомъ, между прочимъ, ему необходимо было два раза упомянуть о своемъ словарѣ «малорусскаго *нарѣчія*», прибрѣтенномъ у него Академіею Наукъ въ 1854 году ⁽¹⁾, — къ ней можно бы было приступить съ бѣльшей довѣрчивостію. Описаніе поѣздки въ низовья Днѣпра г. Аванасьева-Чужбинскій начинаетъ воспоминаніями о Запорожѣ и говоритъ, что на владѣніе *зимовниками* имѣли право только *безбрачныя* козаки. Желательно было бы знать, откуда именно почерпнулъ этотъ фактъ нашъ путешественникъ. Съ того времени, какъ существованіе Запорожской Січи дѣлается намъ извѣстнымъ, козаки удалялись изъ своихъ семействъ въ эту крѣпость для военныхъ цѣлей и, чтобы лучше сохранить порядокъ своихъ дѣйствій, а пожалуй и по неудобству положенія Січи, не брали съ собою женщинъ. Безженность сдѣлалась потомъ даже отличіемъ добраго козака, такъ что въ трудныя времена начальническія должности ввѣрялись, говорятъ, только людямъ одинокимъ. Но владѣть зимовниками внѣ Січи никому изъ запорожскаго *товариства* не запрещалось, — по крайней мѣрѣ мы такого запрещенія не знаемъ. Напротивъ, намъ извѣстно изъ актовъ, которые нынѣ печатаются Археографическою Коммиссіею, что Запорожцы, оправдываясь передъ Выговскимъ въ бунтахъ, взваливали вину на безженныхъ бурлакъ, которые приходять въ Січъ и уходятъ изъ нея безъ всякой переписи, а себя, какъ истинныхъ Запорожцевъ, называютъ *козаками-зимовчаками* и прибавляютъ, что имѣютъ недвижимую собственность и семейства. Какъ бы ни была распространена на Запорожѣ склонность къ безженной жизни, но изъ нея едвали истекалъ законъ о владѣніи зимовниками. Мы просимъ г. Аванасьева-Чужбинскаго представить доказательства приводимому имъ факту и, въ случаѣ его молчанія, сочтемъ этотъ фактъ фантазіею въ родѣ той, что Поляки, Литвины и Украинцы управлялись гетманами.

Можетъ быть, у него есть и еще фантазіи въ воспоминаніяхъ о Запорожѣ, но эти воспоминанія довольно любопытны. Еслибы авторъ позаботился о томъ, чтобы придать имъ достовѣрность извѣстныхъ разсказовъ Запорожца Коржа ⁽²⁾, то они сдѣлали бы его книгу необходимою для

⁽¹⁾ Академія сдѣлала честь г. Аванасьеву-Чужбинскому прибрѣтеніемъ у него словаря, а словарь, напечатанный до сихъ поръ не вполне, дѣлаетъ честь Академіи, съ такимъ знаніемъ дѣла взявшей подъ свое покровительство трудъ, вполне достойный г. Аванасьева-Чужбинскаго.

⁽²⁾ Эти разсказы были записаны архіепископомъ Гавріиломъ, по указанію А. П. Стороженка, тому назадъ около двадцати лѣтъ. Хотя архіепи-

историка; но нашему автору, очевидно, хочется быть болѣе беллетристомъ, чѣмъ смиреннымъ посредникомъ между преданіемъ и читателями. Въ одномъ мѣстѣ онъ справедливо упрекнулъ г. Скальковскаго въ недостаточномъ пониманіи своего предмета. Намъ приходится сдѣлать это въ отношеніи и къ самому г. Аонасьеву-Чужбинскому. Манера его разсказа очень близко подходитъ къ манерѣ г. Скальковскаго, который, имѣя возможность *собрать* и *издать* безцѣнные матеріалы для исторіи и исторической повѣсти, вмѣсто того захотѣлъ самъ *быть историкомъ* и *повѣствователемъ*, какъ-будто каждому грамотному человѣку дано — вдыхать жизнь и истину бытія во все, что онъ вычиталъ въ бумагахъ или услышалъ отъ старожилловъ. За такое высокомерное притязаніе, произведенія г. Скальковскаго подвергаются безпощадной молотбѣ со стороны критиковъ, чтобы добыть изъ нихъ хоть сколько-нибудь насущныхъ зеренъ, но терпѣливыхъ молотильщиковъ до-сихъ-поръ нашлось не много.

Какъ образчикъ неумышленного, легкомысленнаго уничтоженія въ преданіи истинности, свидѣтельствуемой самою его формою, приводимъ двѣ страницы изъ книги г. Аонасьева-Чужбинскаго.

Лѣтній вечеръ упалъ на землю. Степь закурилась тонкимъ паромъ. Разбойники выбираютъ это время для развѣдокъ, потому что всѣ на зимовникахъ ужинаютъ. Раздѣливъ съ молодиками трапезу и помолясь Богу, хозяинъ приказываетъ хлопцамъ, гдѣ кому ложится.

— А я, прибавляетъ, лягу возлѣ жеребцовъ.

Разбойничій шпионъ выслушалъ это, и харцизы ожидаютъ удобнаго времени. Часовъ около десяти, когда на зимовникѣ все поконится глубокимъ сномъ, разбойники идутъ къ первому молодику, будятъ его, вяжутъ и велютъ молчать подъ опасеніемъ смерти, потомъ отыскиваютъ втораго и

скопъ Гавріилъ былъ и великороссіянинъ, но онъ, въ передачѣ рѣчей Запорожца Коржа, сохранилъ больше ідіомовъ, чѣмъ сохраняетъ ихъ въ своей книгѣ г. Аонасьевъ-Чужбинскій, передавая по-своему то, что слышалъ отъ простолюдиновъ украинскихъ. Въ тѣ времена не тѣ были понятія объ украинской рѣчи, что нынче: тогда боялись сдѣлать книгу темною и непріятною для читателей введеніемъ рѣчей украинскихъ. Въ наше время это составляетъ необходимость, которой не чувствуютъ только такіе «истые Украинцы», какимъ рекомендуетъ себя авторъ *Польздки въ Южную Россію*. Такъ какъ А. П. Стороженко зналъ Запорожца Коржа лично и, сверхъ того, бесѣдовалъ съ другими подобными ему Січовиками, то мы не теряемъ надежды, что онъ исполнитъ нашу неотступную просьбу — написать для *Основа* «устное повѣствованіе» всѣхъ ихъ, по памяти и по книгѣ архієпископа Гавріила, на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣетъ съ такимъ совершенствомъ. *Ред.*

третьяго, и такимъ образомъ перевязываютъ всѣхъ. Собакамъ, разумѣется, заблаговременно, поддана въ говядиный отравъ. Разбойники отправляются въ сарай, гдѣ жеребцы, и будятъ хозяина.

— А ну, вставай, полно спать, пане-брате.

Козакъ просыпается, видитъ, въ чемъ дѣло, хватается за саблю... Но его уже держатъ за руки.

— Гей, хлопці! кричитъ онъ

— Та не гудай: хлопцы перевязаны, отвѣчаютъ ему;—пойдемъ лучше въ хату.

Смиряется хозяинъ и слѣдуетъ за разбойниками. Приходятъ въ хату, зажигаютъ огонь. Хозяинъ взглядываетъ на харчизовъ, стараясь уловить какую нибудь знакомую фizioномію: лицо *ватажка* (начальника) какъ будто бы немного знакомо, но на немъ словно написано, что не будетъ пощады.

— Славные у тебя кони, пане-брате, говоритъ ему ватажокъ.

— Добрые кони.

— Мы себѣ отберемъ.

— Та и отбирайте жъ.

— А можегъ и всѣхъ угонимъ.

— Та и угоняйте жъ.

— Теперь показывай, гдѣ у тебя гроши.

— Грошей нема.

— Не бреши, пане-брате, лучше признавайся, такъ мы заберемъ, да и поѣдемъ, а не признаешься, то мы знаемъ, какъ тебя заставить.

— Есть тутъ торба мѣдяковъ.

— Пустяки! ты недавно былъ въ походѣ, да и воловъ немало продавъ.

— Другихъ нема, пораздавалъ товариству.

— Ну, братцы, говоритъ ватажокъ: раскладывайте огня, авось, допытаемся.

Между тѣмъ на дворѣ происходитъ сцена другаго рода.

Одинъ молодецъ, вопреки приказанія хозяина, не легъ возлѣ овецъ, а забрался на *ожерѣда* (скирду) соломы. Онъ слышалъ все происходившее. Вструхнулъ онъ немного, но когда увидѣлъ, что молодежковъ перевязали, и услышалъ зовъ *батька* (такъ звали вообще начальника), котораго повели въ хату, козацкій духъ въ немъ пробудился. Онъ осторожно слѣзъ съ *ожерѣда* и подошелъ къ ближайшему товарищу.

— Спишь?

— Нѣтъ, но я связанъ.

— Худо. Съ батькомъ что нибудь дѣлаютъ, — вставай!

Товарищъ освобожденъ, и оба молодика бросаются развязывать прочихъ.

— А что, братцы, есть ли на верху какая *зброя* (оружіе)?

— Да мы съ Левкомъ ходили на охоту, отозвался одинъ; такъ вотъ тутъ возлѣ сарая двѣ *набитыхъ рушницы* (два заряженныхъ ружья).

— Ну берите же свои рушницы, а мы *брюки* (дубины) въ руки, да пойдѣмъ выручать батька!

И, вырвавъ колья, молодики собрались. Чуть бѣлѣется хата, но въ окнахъ показывается свѣтъ, большій чѣмъ отъ свѣчки. Молодики пробіраются осторожно. Разбойничій часовой прислонился къ окну и съ любопытствомъ смотритъ въ хату. Одинъ изъ молодежковъ подобрался и хватилъ его коломъ

по затылку. Часовой ни пикнулъ. Его мигомъ обезоружили, и у хлопцевъ прибавились ружье, пистолетъ и сабля. Молодежь къ окнамъ. У печки на землѣ разложенъ костеръ. Хозяинъ раздѣтъ до нага, связанъ, и разбойники жгутъ ему ноги медленнымъ огнемъ, выпытывая о деньгахъ.

— А *мърь* (цѣль) въ четырехъ, братцы, говорятъ одинъ изъ молодыхъ. А вы человѣкъ шесть ступайте въ сѣни.

Четыре разбойника на цѣли.

— Бей!

Залпъ раздается. Четыре злодѣя падаютъ. Прочіе схватываются за оружіе.

До долу зброю (бросай оружіе)! кричатъ изъ оконъ.

Разбойники въ недоумѣніи. Ватажокъ бѣжитъ въ сѣни, но тамъ на него бросаются съ дубинами; онъ стрѣляетъ изъ пистолета, однако его обезоруживаютъ. Черезъ минуту хозяинъ спасенъ, остальные *харцизы* перевязаны, только оставшіеся при лошадяхъ, почувявъ бѣду, убрались по добру по здорову. Вотъ иногда какія сцены происходили въ зимовникахъ. Но не всегда набѣды разбойниковъ оканчивались такъ счастливо: случалось, что хозяинъ зимовника терялъ все состояніе и погибалъ отъ руки злодѣя. Татары тоже нерѣдко дѣлали на нихъ нападенія, особенно, если зимовникъ лежалъ недалеко отъ Днѣпра. (Стр. 54 — 56).

Можетъ быть, нашъ строгій разборъ вызоветъ и у г. Аванасьева-Чужбинскаго такія жалобы на наше «самоуправство», какія онъ вызвалъ у г. Максимовича; но какъ намъ увѣрить, что мы дѣлаемъ свое дѣло изъ любви къ предмету? Пускай за насъ говоритъ то, что мы терпѣливо читаемъ множество вялыхъ, утомительныхъ и часто невыносимо-пошлыхъ страницъ, стараюсь найти въ нихъ что-нибудь полезное для любознательнаго общества и предостеречь его отъ вѣры въ ошибочное и ложное. Самолюбіе вообще развито въ людяхъ на счетъ другихъ страстей, и чѣмъ ниже авторъ по отношенію къ предпринятому имъ труду, тѣмъ онъ болѣзненно-самолюбивѣе. По нѣкоторымъ указаннымъ нами замашкамъ нашего оффиціального путешественника, автора знаменитаго словаря, пріобрѣтеннаго Академіею Наукъ, и по его манерѣ *рисоваться*, въ своемъ разсказѣ, тамъ гдѣ *простота* была бы высшимъ его достоинствомъ, — мы боимся, что откровеннымъ мнѣніемъ своимъ задѣваемъ въ немъ очень чувствительныя струны.

Пропускаемъ описаніе Екатеринослава и его ярмарки: это — газетный фельетонъ, легкій, вертлявый, многословный и безцвѣтный. Советуемъ читателю перескочить прямо на стр. 61-ю, гдѣ идетъ рѣчь о лодманахъ въ приднѣпровскомъ селѣ Каменкѣ. Много занимательнаго разсказываетъ авторъ о лодманахъ, но, къ сожалѣнію, тоже съ примѣсью фельетонной манеры. На немъ не отражается характеръ мѣстности: въ немъ такъ и видишь петербургскаго праздношатающагося господина, какимъ

то случаемъ занесеннаго въ страну, гдѣ не только люди и ихъ жизнь, но и самая мѣстность говоритъ сердцу инымъ языкомъ. Невольно ждешь отъ автора чего-то строго-спокойнаго и поэтическаго, а онъ вамъ сыплетъ той же дробью, и что объ екатеринославской ярмаркѣ съ ея спектаклями и концертами. Солидность его характера выражается только въ томъ, что онъ впадаетъ въ канцелярскій слогъ и нѣкоторыя историческія имена печатаеть капителю. Слѣдовало бы ему и слово *князь* начинать большою буквою. Вѣдь Потемкинъ былъ не малый вельможа!

Между прочимъ, авторъ выставляетъ злоупотребленія лощманскихъ чиновниковъ (не совсѣмъ обыкновенныя), но говоритъ, что, «сколько-де я могъ замѣтить, внимательно наблюдая *бытъ* жителей, — серьезнаго *ропота* нѣтъ, но все вообще скорбятъ, что у нихъ существуетъ подобный порядокъ». (Стр. 35). Искусное перо! Невольно воскликнешь вмѣстѣ съ мѣргородскимъ судьей: «Какъ пишетъ этотъ человѣкъ! Боже, какъ онъ пишетъ!» Другой объявилъ бы свое мнѣніе прямо, или молчалъ, а онъ — ни на ту, ни на другую сторону!

Не малымъ также искусствомъ обладаетъ авторъ по части обрисовки себя порядочнымъ человѣкомъ. Открытымъ предписаніемъ отъ Новороссійскаго генералъ-губернатора онъ дѣйствовалъ, какъ магическимъ жезломъ, когда нужно было достать лошадей за указыные прогоны; но волшебная сила открытаго листа производила не на всѣхъ смертныхъ одинаковое дѣйствіе: иногда ему приходилось или платить прогоны неуказные, или войти въ такія отношенія съ жителями, чтобы они о прогонахъ меньше всего думали (что не невозможно въ Украинѣ). Нашъ путешественникъ, какъ человѣкъ порядочный, изворачивался въ такихъ случаяхъ инымъ способомъ. Вотъ его собственный разсказъ о пребываніи его въ деревнѣ Бырдиной.

Домъ помѣщика стоитъ надъ самой стремниной, и въ немъ прошлый годъ жилъ на дачѣ становой приставъ, станъ котораго верстахъ въ 15, въ селѣ Томаковѣ. Любви этого становаго къ охотѣ и дачной жизни я обязанъ тѣмъ, что избавился отъ одной непріятности. Надобно знать, что осенью прошлаго года, возвращаясь снизу сухимъ путемъ вверхъ, для того, чтобы пожить въ прибрежныхъ деревняхъ у пороговъ, я не зналъ, гдѣ мѣняются обывательскія лошади. Изъ Кичкаса меня отправили въ Кронцвейнъ, а изъ этой колоніи дали лошадей до Бырдиной. Пріѣзжаю. Деревенька небольшая, овражистая и разбросанная на большомъ разстояніи. Послѣ многихъ разспросовъ мнѣ удалось узнать, что близъ господскаго двора живетъ подпоручикъ, завѣдующій подводами. Я отправился съ *открытымъ листомъ требовать* лошадей до Языковой. Въ простой избѣ на какомъ-то подобіи кровати лежалъ подпоручикъ съ боляною ногою... Послѣ

обычныхъ распросовъ подпоручикъ объяснилъ мнѣ, что въ деревнѣ Бирдиной лошадей нѣтъ и никогда не бывало и что подъ этапъ даются волы, но и тѣхъ мнѣ придется ждать до завтра, потому что отправленъ большой транспортъ арестантовъ. Мнѣ такъ хотѣлось быть поскорѣе у себя, хотя бы въ самой бѣдной избушкѣ. Былъ часъ второй пополудни и начинали собираться предательскія октябрьскія тучи.

— Какъ же мнѣ быть? нельзя ли попросить у помѣщика?

— Помѣщика здѣсь нѣтъ. Да у васъ откуда лошади?

— Изъ Кронцвейна.

— Ахъ каналы! Эти колонисты всегда такъ. Да вы вотъ что: Нѣмца по шеѣ и онъ отвезетъ дальше, а вмѣсто прогоновъ покажите ему шишъ; вѣдь вы по казенной надобности.

Объяснивъ подпоручику неудобство подобнаго распоряженія, я узналъ отъ него, что здѣсь живетъ становой, къ которому я немедленно и отправился. Выслушавъ меня, становой надѣлъ ермолку, что вмѣстѣ съ халатомъ придавало ему внушающій видъ, и вышелъ со мною къ воротамъ, гдѣ нѣмецъ, стоя возлѣ фургона, покуривалъ свою трубочку. Предпославъ прежде весьма крупную энергическую фразу, становой началъ приказывать нѣмцу отвезти меня дальше, но нѣмецъ притворился непонимающимъ русскаго языка; я тотчасъ же хотѣлъ вступить въ должностъ переводчика, но становой величественно показалъ нѣмцу увѣсистый кулакъ, и мой возница въ одинъ моментъ, на плохомъ малорусскомъ языкѣ изъяснилъ готовность отвезти меня въ Языкову за прогоны, и если я дамъ ему на водку. Поблагодаривъ грознаго чиновника за одолженіе, я отправился дальше. (Стр. 240 — 241).

Послѣ этого какъ-то странно читать его похвалы нѣмецкимъ колоніямъ, разбросаннымъ по Новороссійскому краю. Если авторъ дѣйствительно находить неудобнымъ распоряжаться съ Нѣмцами и Нѣмками à la становой, то, судя по послѣдней строкѣ нашей выписки изъ его книги, онъ былъ бы благодаренъ, еслибы какое-нибудь болѣе-могущественное существо принудило ихъ къ тому, чего бы отъ нихъ потребовалъ путешественникъ. Не даромъ же онъ говорить, что начальство Новороссійскаго края было къ нему очень внимательно и, изъ уваженія къ его порученію, сдѣлало все, что отъ него зависѣло. « (Стр. 115.) Зная взглядъ автора на отношенія начальства къ мѣстнымъ жителямъ, мы читаемъ по своему слѣдующія его слова: »Въ казенныхъ селахъ участь моя нельзя сказать, чтобы достойна была сожалѣнія.« (Стр. 116.)

Чѣмъ больше вчитывались мы въ книгу г. Аѳанасьева-Чужбинскаго, тѣмъ меньше и меньше недоумѣвали, почему въ ней нѣтъ того, что мы называли бы дыханіемъ мѣстной жизни, и почему народъ, о которомъ онъ рассказываетъ иногда съ большими подробностями, не представляется нашему воображенію народомъ Украинскимъ? Оттого и потому, что самъ авторъ, чѣмъ больше мы за нимъ слѣдимъ, является передъ нами болѣе

и болѣе официаломъ, т. е. человѣкомъ, котораго могли терпѣть въ своей средѣ Украинцы или страха ради полицейска, или же по своей человѣчности. Довольно прочесть слѣдующее описаніе бесѣды его съ почтеннымъ сельскимъ старикомъ, чтобы видѣть, какъ невкусна должна быть для Украинца бесѣда съ затѣжимъ господиномъ, который, какъ у насъ выражаются, *бундючитца по-пáнській*, т. е. не умѣетъ быть тѣмъ, что, въ глазахъ собесѣдника, значитъ — быть просто человѣкомъ, и только.

Избы у крестьянъ бѣдныя, хотя въ нихъ и соблюдается обычная малорусамъ чистота, да и самый народъ какой-то вялый и *неразговорчивый*. Какъ-то вечеромъ, сидя на заваинкѣ, я подозвалъ одного старика и разговорился.

— Что это, старина, у васъ такъ не весело: молодежь не поетъ пѣсень, даже ребятишки не играютъ по улицамъ.

— Теперь не до веселости, отвѣчалъ онъ: какъ разъ рабочая пора, всякій устанетъ....

— Работаютъ вездѣ, однакоже молодежь свое беретъ, и вечеркомъ въ разныхъ концахъ села дѣвушки и парни выходятъ на улицу.

— Село селу рознь, и что дѣлается у вольныхъ, то не всегда можно въ господскихъ.

— Вѣроятно же у васъ нѣтъ запрещенія?

— Запрещенія нѣтъ, да какъ-то знаете лучше сидѣть молча.

— А подростковъ у васъ не гоняютъ на работу?

— Гоняютъ всѣхъ, развѣ не трогаютъ такихъ какъ я, что ногъ не передвигаю.

— Однако, любезный, и вольные крестьяне въ эту пору не сидятъ сложа руки; напротивъ у cadaго хозяина выходятъ въ поле даже ребятишки. Нѣтъ, ужъ видно выдалось такое молчаливое село.

— А можетъ быть, кто его знаетъ, отвѣчалъ старикъ, почесывая бѣлую какъ лунь голову. (Стр. 240 — 241).

Очень забавно читать въ книгѣ г. Аванасьева Чужбинскаго мѣста, гдѣ онъ хвалится своимъ знакомствомъ съ потомками исчезнувшихъ въ этомъ краю Запорожцевъ. «Много мнѣ рассказывали старики о Запорожьѣ (пишетъ онъ), но не какъ самовидцы, а то, что слышали отъ своихъ отцовъ, служившихъ въ войскѣ.» (Стр. 176.) Гдѣ же ихъ рѣчи? Хоть бы одну страницу ихъ подлинныхъ рѣчей представилъ авторъ въ своемъ огромномъ сочиненіи, чтобы на читателя повѣяло съ Низу Дунира свѣжимъ воздухомъ! Или онъ пишетъ не для Украинцевъ? Но и Великоруссы нуждаются въ подлинности, когда дѣло идетъ о характерѣ страны и народа.

Еще забавнѣе, когда онъ выдаетъ себя за знатока лѣтописей (это онъ доказалъ въ историческомъ введеніи) и этнографіи, которую онъ

изучилъ, не смотря на то, что наука народознания только-что возникаетъ у насъ въ Украинѣ. »Какъ природной малорусъ, знающій свою родину (пишетъ онъ), какъ человѣкъ, изучившій этнографію и лѣтописи, я, по крайнему разумѣнію, *дѣйствую откровенно.*» (Стр. 249.)

Въ качествѣ этнографа, который ужъ изучилъ этнографію, а потому бросаетъ ее, какъ ненужный больше букварь, онъ говоритъ: »Малороссія совершенно слилась съ Россіей — — благотѣльные лучи цивилизаціи начинаютъ сглаживать всѣ рѣзкія особенности.» (Стр. 252.) Эти благотѣльные лучи прежде всего подѣйствовали на самого автора и до такой степени сгладили въ немъ всѣ особенности Украинца, что онъ, на стр. 13 своего сочиненія, заговорилъ языкомъ г. Срезневскаго объ украинской словесности. (См. выше.) Въ то же самое время авторъ нашъ пишетъ іереміиду объ исчезающихъ слѣдахъ Запорожской Січи. Камни, очевидно, для него краснорѣчивѣе живыхъ людей, въ которыхъ благотѣльные лучи цивилизаціи никакъ не могутъ изгладить стремленія быть самими-собою, а не чѣмъ-то похожимъ на идеалъ московскаго *Дня*, издаваемаго Иваномъ Аксаковымъ, достойнымъ собирателемъ Земли Русской.

Мы указали, по возможности, на все, чѣмъ книга г. Аванасьева-Чужбинскаго могла бы быть вредна, еслибы читалась легко и пріятно, чего, по собственному опыту, мы никакъ не предполагаемъ. Теперь скажемъ, чѣмъ она можетъ быть полезна для людей, которые готовы добывать нужныя свѣдѣнія о родномъ краѣ изъ самыхъ мутныхъ источниковъ. При всей своей официальнойности и литературномъ ухарствѣ, при всей неспособности своей воспринимать впечатлѣнія наблюдаемаго края съ ясностію ума живого, авторъ собралъ много любопытныхъ свѣдѣній о мѣстностяхъ Днѣпра на Порогахъ и ниже Пороговъ, а также о торговѣ и промышленности Новороссійскаго края. Еслибы существовала такая реторта, посредствомъ которой можно было бы отдѣлать въ его книгѣ все нужное для географіи, этнографіи и статистики отъ всего ненужнаго, и все вѣрное отъ всего фальшиваго, то нѣсколько печатныхъ листовъ *Повѣдки въ Южную Россію* заняли бы самое видное мѣсто въ числѣ матеріаловъ, собираемыхъ ученымъ въ своемъ кабинетѣ для справокъ и соображеній. Но, пока это сочиненіе остается въ настоящемъ своемъ видѣ, — жаль мѣста, которое оно займетъ на полкѣ, и времени, которое надо убить, чтобы выжать изъ нея ея сущность.

Гоголь предъ судомъ обличительной литературы,
Н. Герсегонова. Одесса. 1861. Въ 8-ю д. Стр. 171.

Книжка эта изумить каждого, кто не лишень здраваго смысла и человѣческихъ понятій о нравственности. Еслибы что-нибудь подобное появилось при жизни поэта, можно бы подумать, что это пасквиль одного изъ тѣхъ грамотѣевъ, которые, въ своей мнимой образованности, похожи на варваровъ, находящихъ дикое удовольствіе въ томъ, чтобы обезобразивать высокія произведенія скульптуры. Но прошло десять лѣтъ со смерти Гоголя — и нашелся человѣкъ, вдохновенный такою нелѣпою злобою къ Гоголю-человѣку и писателю, какъ-будто душа Булгарина воплотилась въ новое тѣло, — это фактъ очень печальный. Это показываетъ, до какой степени злоупотребляются у насъ преимущества школьнаго ученія и мысли, дрессированной дурными наставниками. Это показываетъ также, что значительная часть нашего читающаго люду до сихъ поръ поддерживаетъ то воззрѣніе на нравственность, которое проповѣдывали Булгарины и Сенковскіе подъ именемъ христіанства, общественнаго благоустройства, просвѣщенія и проч. Прежде чѣмъ г. Герсегоновъ написалъ свою книгу, онъ, безъ сомнѣнія, выражалъ свои понятія о Гоголѣ не одному человѣку и находилъ людей, слушавшихъ его безъ смѣха и негодованія. Осмѣлившись ее напечатать, онъ, безъ сомнѣнія, увѣренъ, что существуютъ сотни, а пожалуй и тысячи людей, которые съ нимъ согласятся. Это горькая обида не только для каждого, кто дорожитъ возвышенными явленіями русскаго духа и русскаго чувства, но и для тѣхъ, кто вообще уважаетъ благородство природы человѣческой. Мы далеки отъ того, чтобы не признавать въ характерѣ Гоголя никакихъ грѣховъ, а въ его сочиненіяхъ — важныхъ недостатковъ. Гоголь — чадъ своего времени и своего общества. Немного, вѣроятно, создало это общество людей болѣе честныхъ, болѣе готовыхъ на безкорыстное ему служеніе, но не могли его созданія не носить въ себѣ слѣдовъ своего происхожденія. На этомъ основаніи и въ жизни Гоголя можно указать на многое, чего въ наше время не имѣлъ бы уже въ себѣ человѣкъ его натуры. Но забрасывать его грязью по-Герсегоновски никто изъ насъ не имѣетъ права. Оскорблять такимъ образомъ память великаго писателя значить оскорблять достоинство русскаго человѣка вообще и наносить ничѣмъ неискупимую обиду лицамъ, которые любили Гоголя, какъ дорогую для нихъ личность. Если бы русское общество оставалось равнодушнымъ къ подобнымъ явленіямъ, это значило бы, что въ немъ нѣтъ еще

общественной нравственности, нѣтъ того для всѣхъ общаго и для всѣхъ дорогаго, что даетъ каждому великому и малому соединенію людей морально-законодательную силу. Мы увѣрены, что, какъ ни ничтожна книжка г. Герсееванова въ литературномъ отношеніи, но ея изданіе не останется постушкомъ безнаказаннымъ. Это одно изъ тѣхъ недостойныхъ явленій извращеннаго ума и чувства, которыя заслуживаютъ всеобщаго протеста. Пусть за г. Герсееванова станутъ одни, а противъ него другіе; тогда мы будемъ знать, кто у насъ поддерживаетъ тьму, съ такимъ трудомъ разсѣваемую писателями, подобными Гоголю. Примиренія здѣсь быть не можетъ. Мы ужъ и такъ довольно долго сидѣли въ сумеркахъ понятій о достойномъ и недостойномъ въ общественной жизни. Что касается до пишущаго эти строки, то онъ считаетъ долгомъ своимъ заявить свое разномысліе съ г. Герсеевановымъ, какъ собиратель матеріаловъ для біографіи Гоголя, которымъ г. Герсеевановъ даетъ превратный смыслъ, выдергивая изъ нихъ клочки, которыя ему кажется возможнымъ перетолковать въ противную сторону и затемняя факты, свидѣтельствующіе о благородствѣ природы Гоголя. Первый листокъ его нелѣпой книжки есть уже наглая ложь, какая когда-либо появлялась въ печати. На этомъ листкѣ напечатано: *Посвящается русской женищинѣ, оклеветанной Гоголемъ*. Вся книжка наполнена доказательствами, что Гоголь былъ *лакей*, въ низкомъ смыслѣ этого слова, что онъ всѣхъ надувалъ, что онъ безпрестанно оскорблялъ родную мать, — ту мать, которая до сихъ поръ живетъ нѣжнымъ благоговѣніемъ къ его памяти! Въ одномъ мѣстѣ (стр. 56) г. Герсеевановъ заставляеть Гоголя записывать покровительства и у самого Булгарина черезъ г. Максимовича. Это значитъ, что въ письмѣ къ г. Максимовичу одно имя означено буквою Б. Пробѣгая это произведеніе невѣжественной злобы, мы удивлялись ожесточенію, съ какимъ авторъ выискивалъ въ жизни Гоголя все, во что можно было бы ему вѣѣриться, чтобъ потерзать хоть полу одежды великаго писателя. И все это такъ извращено у него, во всемъ такъ мало уваженія къ истинѣ, такъ мало даже простого приличія, какъ-будто онъ пишетъ для людей самыхъ темныхъ, самыхъ безпутныхъ, — для людей, напередъ ужъ готовыхъ осудить Гоголя какъ писателя, на безславіе, а какъ человѣка — на позорную извѣстность. Мы думали, что со смертью Булгарина перевелись люди, угождающіе вкусу и понятіямъ ни на что негоднаго отребья русскаго общества; но, видно, лживость и предательство гораздо долговѣчнѣе, чѣмъ обыкновенно воображаютъ.

Эти свойства испорченной природы человѣческой не лишены своей энергіи, и безъ бою не уступаютъ своего мѣста правдивости и благородству.

Крайне неприятно входить въ подробности сплетень, наполняющихъ книгу г. Герсевича, но если наше общество производитъ подобныхъ авторовъ, то должно терпѣть и удушливый смрадъ ихъ писаній. На стр. 8, мы читаемъ: «Чѣмъ же былъ Гоголь? спросать многочисленные его обожатели. Онъ былъ нищій, лакей, ненавистникъ русской женщины, клеветникъ ея, клеветникъ Россіи.» (Все это курсивъ.)

Мы знаемъ, что Гоголь часто и почти постоянно терпѣлъ нужду въ деньгахъ, т. е. по выраженію г. Герсевича, былъ *нищій*. Если въ глазахъ, можетъ быть, богатаго автора быть убогимъ — преступленіе, то почему же оно не оправдано въ его мнѣніи благороднымъ отреченіемъ Гоголя отъ наслѣдства, въ пользу сестеръ? Человѣкъ, нуждающійся въ деньгахъ до нищенства и отдающій деревню душъ въ триста сестрамъ — явленіе поразительное для каждаго, только не для автора, который называетъ Гоголя *лакеемъ*, воображая, что быть лакеемъ есть крайняя степень униженія. По нашему, лучше быть честнымъ лакеемъ, чѣмъ писать книги, въ которыхъ оставленъ безъ вниманія благороднѣйшій поступокъ разсматриваемой личности и вѣняется ему въ преступленіе все — и даже чистота юности. Въ самомъ дѣлѣ (этому трудно повѣрить) г. Герсевичъ вовсе не обратилъ вниманія на отреченіе Гоголя отъ имѣнія, котораго онъ, по закону, былъ единственнымъ наслѣдникомъ, и воспользовался этимъ фактомъ только для самой грубой клеветы: «отказался отъ своей части имѣнія (говоритъ онъ на стр. 45), помогая роднымъ — съ условіемъ, чтобы называли его *геніемъ* и *благовѣстили* о томъ *повсюду*.» Добродѣтельный авторъ никакъ не могъ разминуться еще съ однимъ фактомъ: что Гоголь взялъ на себя трудъ отвезти въ Петербургъ двоихъ сестеръ и помѣстить ихъ въ институтъ. Конечно, Гоголь нашего времени въ институтъ не помѣстилъ бы сестеръ, но въ 30-хъ годахъ это было дѣло несомнѣнно прекрасное. Автору ненавистенъ и этотъ поступокъ. Не находя, какъ обвинить въ немъ Гоголя, онъ приписываетъ это доброе дѣло тщеславію, а на стр. 34 говоритъ: «Кажется, что на сестеръ онъ имѣлъ своекорыстные виды.» Чѣмъ же онъ это доказываетъ? Слѣдующею выпискою изъ письма Гоголя къ матери: «Онъ, покаместъ, будутъ переводить и работать для будущаго Погодинскаго журнала и для меня. Я хочу ихъ совершенно приучить къ трудолюбивой и дѣятельной жизни.» (Стр. 34.) Это говоритъ человѣкъ, о которомъ, по его еще дѣтскимъ письмамъ, авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: «Но уже въ эти

лѣта высказывается характеръ его — холодной, черствый, совершенное отсутствіе всякого чувства, лицемеріе и деспотизмъ.» (Стр. 9.)

Мать, отпустивъ сына въ столицу изъ патриархальнаго родственнаго круга, опасается за его чистоту. Гоголь отвѣчаетъ ей: «Какъ вы могли, маменька, подумать, что я — добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія челоувѣчества!... Я готовъ дать отвѣтъ предъ лицомъ Бога, если я учинилъ одинъ развратный подвигъ, и нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома. Что же касается до пьянства, то я никогда не имѣлъ этой привычки.» Г. Герсевановъ даетъ себѣ право по этимъ напивнымъ строкамъ сдѣлать такой приговоръ Гоголю: «Онъ явно сознается въ душевной неспособности любить.» (Стр. 19.) Еслибъ мы не видѣли въ трудѣ г. Герсеванова нравственнаго уродства, мы бы спросили у него: неужели имѣть способность любви значитъ быть такимъ, какимъ опасалась мать, чтобъ не сдѣлался Гоголь виѣ ея кроткаго надзора? Мы знаемъ, что въ прежнія времена юношескую нравственность основывали почти исключительно на воздержаніи. Мы можемъ упрекнуть старую методу воспитанія въ односторонности, но не знаемъ, какое здоровое челоувѣческое общество не признаетъ, что юношеская чистота служить основаніемъ всего великаго въ нашей дальнѣйшей дѣятельности. Только при дурномъ устройствѣ домашняго и общественнаго быта, при стѣсненіи молодой дѣятельности множествомъ препятствій, при господствѣ предразсудковъ надъ здравыми понятіями о жизни, воспитаніе, основанное на матеріальной чистотѣ, оказывается недействительнымъ и часто ведетъ къ результатамъ противоположнымъ. Если что-нибудь есть общаго между этими послѣдними словами и жизнью Гоголя, то и въ такомъ случаѣ надобно осторожно прикасаться къ его таинственной личности, уважая въ ней благородство природы, которымъ не способно было вполне воспользоваться наше общество. Г. Герсевановъ не щадитъ Гоголя въ своихъ догадкахъ и предположеніяхъ, выдавая ихъ за несомнѣнную истину. Но у него все низость, все преступленіе въ поступкахъ Гоголя. Четырнадцатилѣтній мальчикъ пишетъ, въ 1825 году, отвѣтъ матери на ея извѣстіе о смерти отца и выражается языкомъ, господствовавшимъ во время оно всюду. Строгій его судья говорить: «Тутъ есть все, кромѣ того, что всякій думаетъ найти — сыновней горести о потерѣ добраго отца.» (Стр. 10.) Мы вѣримъ, что тоска по отцѣ свела въ могилу sorrowfulнаго Константина Аксакова, а онъ не вѣритъ, что четырнадцатилѣтній Гоголь, скрывавшій отъ товарищей свою святую — сыновнѣ

слезы, могъ дойти до отчаянной мысли о самоубійствѣ. »Лицемеріе, ложь!« восклицаетъ онъ, судя, вѣроятно, о Гоголѣ по другимъ школьникамъ и воображая, что всякая натура стачана, какъ сапоги, на одинъ и тотъ же копылъ.

Критика писемъ Гоголя къ матери и сестрамъ у г. Герсевича чудовищная. Лишь только Гоголь скажетъ: »не предавайтесь мнительности«, или что-нибудь подобное, это грубость и дерзость! Лишь только дастъ совѣтъ, это деспотизмъ! Одинъ только разъ похвалилъ онъ Гоголя, да и то какъ-бы съ сожалѣніемъ. Гоголь послалъ на свадьбу сестрѣ 500 р. изъ первой выручки за *Вечера на Хуторѣ*. »Черта хорошая, замѣчаетъ нашъ непостижимый авторъ, хотя нѣтъ тутъ ничего особеннаго.«

Нападая на Гоголя за его юношескую нравственность, г. Герсевичъ уклонился отъ извѣстнаго механическаго ученія о нравственности, которое часто пробивается въ его книгѣ. Уничтожая совѣтъ Гоголя, чтобы молодая дѣвица занималась музыкой и танцами, такъ какъ танцы укрѣпляютъ члены, — онъ говоритъ: »Какъ будто музыка, танцы, укрѣпленіе членовъ составляютъ главную цѣль воспитанія благородной дѣвицы; какъ будто не нужно прежде думать о нравственномъ, умственномъ и религіозномъ воспитаніи.« (Стр. 26.) Дикая непріязнь къ Гоголю до-того ослѣпила его, что онъ забылъ, что на предыдущей страницѣ самъ же сдѣлалъ выписку изъ письма Гоголя въ которой сказано: »внушите ей правила религіи: это фундаментъ всего.« Вѣдь это согласно съ понятіями автора, а между тѣмъ онъ, дѣлая выписку, говоритъ о Гоголѣ: »Наставленія его до того пошлы, что не понятно, зачѣмъ все это напечатано.« (Стр. 25.) Словомъ, недобросовѣстнѣ этой книги мы еще ничего не читали. »Льстя постоянно людямъ нужнымъ (говоритъ авторъ о Гоголѣ, на стр. 45), вознаграждалъ себя родными, изливая на нихъ желчь, переполнявшую его душу, гдѣ не было мѣста ни одному доброму чувству.«

Читатели извинятъ насъ, если мы бросимъ на этомъ приговорѣ перо и не станемъ дальше перелистывать этого жалкого издѣлія бурсацкой грамотности.

Г. Герсевичъ отъ жизни Гоголя переходитъ къ критикѣ его сочиненій, но эта критика ниже всякаго о ней отзыва. Порицая лучшее, что есть въ сочиненіяхъ Гоголя, онъ вдаея въ крайность, противоположную крайности г. Максимовича, который не позволяетъ находить недостатковъ даже и въ первыхъ литературныхъ опытахъ великаго писателя.